

Евгений Сухов

Я-ВОР

в законе

АСТ ПРЕСС

СХОДНЯК

Евгений Евгеньевич Сухов

Сходняк

Серия «Варяг», книга 9

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136613
Я – вор в законе. Сходняк: АСТ-Пресс Книга; 2006
ISBN 5-462-00161-4*

Аннотация

Большой воровской сход объявляет смотрящему России, знаменитому вору в законе Варягу, жестокую войну. Став жертвой подлого заговора. Варяг оказывается в неволе – в страшной подземной камере-одиночке. А между тем в стране происходит смена политической элиты, чем пытаются воспользоваться предавшие Варяга новоиспеченные «законные». Они стремятся тайно договориться с новой властью, навязав воровской среде кровавый передел сфер влияния. Ценой невероятных усилий Варяг вырывается из заточения, залечивает раны и, собрав горстку самых верных людей, в суровой борьбе отвоевывает принадлежащее ему по праву место непререкаемого авторитета, наказывает предателей и восстанавливает справедливость.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ I	15
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	71
Глава 7	89
Глава 8	110
Глава 9	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Евгений СУХОВ

СХОДНЯК

ПРОЛОГ

В густых кустах позади себя Полупан услышал шорох и, мгновенно развернувшись на сто восемьдесят градусов, ткнул туда коротким блестящим стволом с наведенным глушителем. Он замер и напряг слух. Кто там еще? Их бригадир Слива приказал держать ухо востро, потому что не исключал возможности налета чужих. С местными ментами, сказал Слива, как всегда, есть четкий уговор – они сюда не сунутся, а если заметят на подходе незваных гостей из Москвы, то просигналят заранее на мобилу. Но вот наезда каких-нибудь отморозков, купленных за пачку «зеленых», исключать было нельзя, и Слива дал команду: если покажутся НЛО – то есть неопознанные лоховатые объекты, – стрелять без предупреждения, для начала по ногам.

У Полупана заныло под ложечкой. Сегодня он впервые пошел в дозор и потому – хотя он не мог даже сам себе в этом признаться – малость сдрейфил.

Точнее сказать, перебздел. Во всяком случае, короткоствольный «узи» – такой, какими обычно вооружены азиатско-наркокурьеры в американских боевиках, ему пришлось

держат в руках впервые. Раньше он все больше действовал «пером» или «тэтэшником».

В кустах опять шорхнуло. По звуку он не смог определить, что там – может, человек, может, зверь лесной. Он подождал, потом медленно опустился на корточки, подобрал с земли ветку и бросил в кустарник. И вдруг высокие ветки резко качнулись – и прямо на него из густой зелени прыгнуло что-то темное.

Полупана бросило в жар – он нажал на спусковой крючок, и железный инструмент смерти мелко задрожал у него в ладонях, выплевывая один за другим огненные плевки. Темное мохнатое пятно дернулось в воздухе и с тихим взвизгом упало на зеленую траву. Только теперь Полупан понял, что это была кошка. Должно быть, из соседней деревеньки. "Вот сука! – подумал Полупан, опуская еще дымящийся ствол.

– Как же напугала, котятра паршивая!" Он радовался только тому, что автомат с глушителем и никто выстрелов не услышал. И что никого из пацанов не было рядом и они не видели, как перепугала Полупана эта лесная бродяжка.

А еще Полупан подумал, что его начальник Слива, отвечавший за безопасность сегодняшнего мероприятия, отправлявший его в дозор вместе с другими пятью пацанами, за эту стрельбу точно бы уши отрезал!

Облегченно вздохнув, Полупан стал думать о том, что к шести вечера сюда подъедут шесть или семь тачек с самыми авторитетными в России «людьми» и что сегодня на этой

подмосковной даче будет важный воровской сход, в котором должны участвовать и Паша Сибирский, и Дядя Толя, и Закир Большой, и Тима Подольский и, может быть, даже сам Шота Черноморский – знаменитый грузинский вор. Полупан мечтал хотя бы одним глазком поглядеть на известных воров в законе, о которых до этого разве что читал в криминальной хронике, но приказ есть приказ: ему, как и остальным четверым дозорным, надо было пристально следить за всеми подходами к даче, чтобы, не дай бог, кто из чужаков не пробрался к ней.

Полупан глянул на часы: половина шестого. Сейчас начнут подваливать тачки. Он двинулся сквозь редкий кустарник в сторону шоссе. Вдали показалось асфальтовое полотно. Укрывшись за толстым стволом березы, Полупан замер. Ждать пришлось недолго. Минуты через три послышалось мерное урчание автомобильного движка, и еще секунд через десять мимо него, мягко шурша шинами, проследовал белый «мерседес», за которым – в метре один за другим, можно сказать, зависая друг у друга на заднем бампере, – прошли два тяжелых черных джипа «шевроле» с тонированными стеклами. «Круто!» – зацокал языком Полупан и восхищенно шмыгнул носом, проводив взглядом кортеж. У самого Полупана была старенькая, перекупленная через третьи руки двенадцатилетняя «школа», и он давно уже хотел сменить ее на хоть какую, но новенькую тачку. "Ну ничего, – подумал Полупан, – надо потерпеть малехо, хотя бы полго-

дика, а там поднакоплю денжат и справлю «обновку»...

Он не заметил, как из кустов у него за спиной внезапно вырос рослый мужичара лет тридцати с копной рыжих волос на голове. Не говоря ни слова, рыжий выхватил из-за пояса пистолет с глушителем и практически в упор выпустил дзорному в затылок две пули. Полупан дернулся и, не успев даже удивиться, рухнул в высокую траву, широко раскинув руки. Беспольный автомат, тихо звякнув, упал рядом.

Рыжий исчез в кустах так же неожиданно, как и появился.

Традиция устраивать раз в году большие сходняки с участием крупнейших, авторитетнейших коронованных воров России сложилась еще при Медведе – «крестном отце» российского криминального мира, который на протяжении более тридцати лет держал братву под своим строгим неусыпным контролем. Поначалу большие сходки собирались из пятнадцати воров. Когда в начале 90-х на большой сходняк, по инициативе того же Медведа, пригласили Варяга и благословили его на смотрящего России, большой сходняк стал собираться в составе шестнадцати человек. Но потом старый Медведь отдал Богу душу – и все вернулось на круги своя, большой сходняк опять сократился на одного человека. С благословения смотрящего время от времени для решения экстренных проблем вору собирались на малых сходняках. Как правило, здесь рассматривались вопросы не столь значительные, и считалось, что для их решения не требовалось присутствия всех авторитетных людей. В малых сход-

ках принимали участие те, у кого был непосредственный интерес к обсуждаемым делам.

Сегодня малый сход собрался втайне от смотрящего и без участия многих крупных авторитетов России, которых и не собирались извещать о том, что в подмосковном поселке Красноводово проводится эта встреча «в верхах».

Тому была веская причина, так как собравшиеся предполагали обсудить весьма щекотливый вопрос, который мог бы не понравиться кое-кому из старой гвардии законных воров, свято чтящих память старика Медведя и беззаветно доверяющих его выдвиженцу Варягу.

А именно о Варяге и должна была пойти сегодня речь в Красноводово...

Сходняк собрали по предложению старого вора Дяди Толи, но хитрый вор идею-то подбросил, а сам благоразумно на сход не приехал и остался сидеть в «каменном дворце» под Звенигородом, в последний момент сказавшись больным. Боевым слонем Дядя Толя выставил хозяина подмосковных вещевых и строительных рынков Антона Тимакова по кличке Тима. Этот был из новых, и, по слухам, воровскую корону он приобрел себе не за дела, а за бабки. Таких вору звали «апельсинами». Тима был мужик с гонором и вечно лез на рожон – даже когда стоило бы хлебало не разевать.

Но собравшиеся с особым нетерпением ждали сегодня Шоту Черноморского, который, как было всем собравшимся за столом известно, не далее как две недели назад откры-

то выступил против Варяга... И теперь формальное объявление войны требовало конкретного развития. Ради этого и собрались сегодня в Красноводово сторонники Шоты.

Стол, по обыкновению, был густо уставлен изысканными яствами: жирной лоснящейся севрюгой в нарезку, зернистой икрой, запеченными карбонатами, копчеными цыплятами. Между тарелками уместились квадратные бутылки с яркими иностранными этикетками. Шесть человек сидели за столом и неторопливо закусывали, томительно дожидаясь, кто же подаст голос первым.

Шота Черноморский не торопился выступать, храня хладнокровное молчание.

И тут не выдержал Тима. Он отъехал на кресле от стола, распахнул свой зеленовато-желтый пиджак и, по привычке растопырив пухлую пятерню, яростно жестикулируя, заговорил:

– Мы собрались, люди, чтобы потолковать про Варяга. Варяг, конечно, вор авторитетный, большой человек, кто ж будет спорить. Но он чисто конкретно в последнее время стал все больше на себя играть. Смотрите, он же все под себя подобрал – нефтяные дела без него не решаются ни на Каспии, ни в Тюмени...

Алюминиевые дела – опять же он там колеса крутит, своих людей расставляет. И портовые дела у него под контролем. Нам стало совсем не продохнуть. Раньше такого не было, чтобы я в своем родном городе не мог решить самолич-

но, открыть мне бензоколонку или не открыть...

– Верно говорит Тима! – поддержал его Максим Кайзер. – Варяг стал слишком много на себя брать. Я вот знаю, что он как сел в этот свой концерн, так на торговле оружием наварил хренову тучу бабок, да только эти бабки в какую-то черную дыру уходят. Вобщак, сдаётся мне, он не шибко-то отстегивает.

Максим говорит правильные слова, подумал Закир Большой. Игнатов и впрямь в последнее время занимается делами, которые многим ворам были непонятны и которые многими не одобрялись. Самая главная претензия к нему заключалась в том, что он много тратил общаковских средств на неясные политические дела и всякие вложения в малопонятный бизнес.

– Верно Кайзер сказал! – продолжал, войдя в раж, Тима. – Я считаю, его надо, в натуре, на правиловку вызвать. Пусть объяснит свои дела. А если не объяснит – пускай общак передаёт другим. Мы и сами с общаком сумеем разобраться. Не хуже Варяга!

– Ты Тиман, предлагаэш вместо Вариага нового смотрящего избрать? Я тебя правильно понял? – уточнил Шота.

Закир исподлобья чиркнул острым взглядом по лицу Тимы. После выпитого (а Тима, как заметил Закир, виски пил как водку – залпом стограммовыми стопарями) подольский авторитет раскраснелся и, по всему было видно, малость слетел с катушек.

Над столом повисла зловещая тишина. Воры точно размышляли над услышанным, хотя было ясно, что никому не в диковинку то, что произнес Тима.

Более того, многие из собравшихся на этой даче вполне разделяли Тимин наигранный гнев. Но не спешили высказываться. Никто ведь не мог предугадать, как дело повернется, – так что на всякий случай лучше было не суетиться и попридержать язык.

– Самое главное для нас – понять, как к этому отнесутся региональные.

Большой сходняк нельзя созывать, не зная заранее настроение людей, – подал голос Виктор Резунов, которого в молодости звали Тульский Пряник, а сейчас просто – Витя Тульский.

Но Тима не унимался.

– Нет люди! Надо принимать решение! Я не удивлюсь, если выяснится, что наш любезный Варяг снюхался с ментами или с гэбухой – и на них пашет! Смотрите, уж больно у него все гладко выходит – был под следствием, на зоне сидел, бежал, ментов помочил, а ему все списали. Так же не бывает! Чтобы просто так взяли и забыли обо всем. Тут явно дело нечисто. И главное, пусть четко скажет: сколько в общаке, сколько на грев идет, сколько... И вообще, в натуре, пусть финансовый отчет представит! – Тима, обведя мутноватыми глазами стол, хохотнул своей шутке.

Все посмотрели на Закира. После отсутствовавшего Дяди

Толи и Шоты он тут был самым старшим и уважаемым. Дагестанский вор сложил ладони вместе и медленно произнес:

– Что ж, Тима прав. Надо с Варяга спросить по всем правилам. – Он помолчал, точно подыскивал слова:

– Верно Тима сказал: Варяга вызовем на большой сходняк – и там решим!

– А че там решать, блин! – рывкнул Тима, опрокинув в глотку очередной – кажется, уже шестой – стопарь виски «Джонни Уокер». – Зовем на большой сход, устраиваем ему допрос с пристрастием и лишаем на хрен общака! Хорош ему бабками нашими распорядиться. Я, блин, воше не понимаю, кто его на это теплое место посадил!

Кажется, никто не обратил внимания на то, как хитроумно Закир перевел стрелки на Тиму, отдав ему целиком и полностью инициативу позвать Варяга на большой сходняк. Теперь, без сомнения, все запомнят его слова о том, что про финансовый отчет Варяга «Тима сказал». И если что, вся ответственность ляжет на этого говоруна, который вдруг взял и обосрал Варяга и который уже, видно, забыл, как шесть лет назад на региональном сходе Варяг отстоял его, тогда еще совсем желторотого пацана, только что вышедшего после «пятерочки», еще не коронованного. Тогда Варяг прикрыл Тиму, хотя подмосковные воры ни в какую не хотели уступать тому контроль за рынками, но именно благодаря авторитету Варяга Тима получил то, что тогда заслужил и что имел сейчас...

Впрочем, Закир точно знал, что происходит с Тимой и по чьим нотам он сейчас так заливисто поет. Потому что и сам Закир Большой недавно попал в мышеловку и теперь ломал голову, как бы унести ноги подобру-поздорову. И он не исключал, что эту песню Тима разучил с «учителем пения» из той же музыкальной школы...

– Нас тут шесть человек, – заговорил Закир. – Нет Дяди Толи, но на большом сходе он точно будет с нами...

– У Варяга много сторонников за Уралом. Сибирские во-ры за него горой стоят, потому что он в былые годы на зоны щедро грев гонял, – заметил Матвей Воронин по кличке Ворона, смотрящий Дальнего Востока. – Да и здесь, в центральной части и на юге, его поддерживают.

Эти слова не понравились Паше, контролировавшему Восточную Сибирь.

– Ни хера! Сибирских можно уговорить... или пугнуть... Или... Да мало ли что может случиться... Вдруг заболит кто или, не дай бог, не дозвонимся... – при этих словах Паша ослабил.

– А питерского смотрящего тоже обрабатываешь сам? – поинтересовался с вызовом Тима.

В Питере с недавних пор смотрящим был поставлен Филат – правая рука старика Михалыча и доверенный человек Варяга.

– Филат и Михалыч останутся при своем мнении, – спокойно сказал Паша, игнорируя нагловатый тон подольского

авторитета. – Но их голоса все равно ничего не решают. Когда будем собирать людей?

– Давайте назначать сход на последнее воскресенье месяца, – предложил Закир. И, подумав, добавил:

– Соберемся в ресторане «Золотая нива» на Дмитровском.

– Где обычно? – уточнил Тима, откидываясь на спинку стула.

Закир, не удостоив Тиму ответом, встал и двинулся к выходу.

ЧАСТЬ I

Глава 1

В казино «Фламинго», которое располагалось в тихом переулке недалеко от Садового кольца, сегодня было необычно тихо. На двери висела табличка:

«Закррито по техническим причинам». На самом же деле заведение работало весь вечер, потому что его сняли уважаемые клиенты, и менеджер казино суетился вовсю, желая угождать дорогим гостям.

В главном зале за рулеткой сидели четверо молодых парней, изысканно одетых: на всех были дорогие костюмы, рубашки, галстуки и ботинки от знаменитых итальянских модельеров. Официанты молча сновали с подносами, на которых стояли бокалы с шабли, хрустальные вазочки с белужьей икрой, лоснящимися черными маслинами и ломтиками поджаренного белого хлеба.

– Ну, Грин, может, паузу сделаем? – предложил один из играющих.

Грин посмотрел на часы и кивнул:

– Можно, Филя. Давай сходим проветримся.

Все четверо встали и двинулись к выходу. Они спустились в подвальный этаж и проследовали по пути, указанному

стрелкой с надписью: «Сауна». У дверей сауны их уже ждали три длинноногие красотки в коротких белых халатиках.

– Здравствуйте! – прощептали в один голос девушки. – Сегодня как обычно?

– Как обычно, но в темпе, – заметил Грин. – У нас сегодня мало времени.

– Понятно, – отозвалась красotka-брюнетка, обнажив ровный ряд ослепительных жемчужно-белых зубов. – Тогда я скажу Сухареву, чтобы он подбавил жару. А вы проходите пока, раздевайтесь – халаты и полотенца уже готовы.

Банщик Сухарев, как только услышал за дверью цокот каблучков, глухо проговорил:

– Все понял, больше говорить не могу! – и судорожно бросил телефонную трубку на рычаг. Он метнулся прочь от телефона и вцепился в чистые полотенца, сложенные горкой на столике под зеркалом.

– Клиенты ждут, – строго сказала вошедшая массажистка-брюнетка. – Четверо. Поторапливайся, Палыч!

– Те самые, кого ждали, Светочка? – осторожно поинтересовался Сухарев. – Большие люди? Светочка закатила глазки к потолку.

– Выше не бывает!

– Ну не президент же с премьер-министром!

Светочка надула губки.

– Дурак ты, Палыч! Там Филя, Грин, Штырь и Акула подвалили. Знаешь, при ком они состоят? При Владиславе Ген-

надьевиче – а он-то, пожалуй, повыше президента будет! – сказала она и вышла.

Сухарев дождался, пока стихнет в коридоре цокот каблучков, снял трубку и быстро нажал семь кнопок. Услышав ответ на другом конце провода, он торопливо зашептал:

– Они тут. Да... Точно они... Филя, Грин, Штырь и Акула. Варяговы пацаны. Через час можно... Они как раз после бани да после девок распаренные будут... хе-хе-хе... Можно взять их, как говорится, тепленькими. Вы только... это, не забудьте, как договаривались – меня свяжите, ну и разок можно ударить, чтобы со следами насилия на теле... Да... А то если заподозрят что... мне не жить!

Сухарев осторожно положил трубку и подхватил стопку душистых махровых полотенец. В предбаннике уже весело шумели посетители. Сухарев, соорудив сладкую мину, вошел и бочком-бочком двинулся к длинной лавке.

– Здорово, Палыч! – звонко поприветствовал его Филя. – Ты что-то сегодня с лица сбледнул? Случилось что?

– Да нет, Феликс, что вы! – испуганно отмахнулся Сухарев. – Все путем.

Сейчас пойду проверю аппарат – а то вчера больше ста десяти градусов не натягивало...

Сухарев попятился к выходу спиной и, выйдя за дверь, бросился в конец коридора, к служебному выходу на улицу, который всегда был закрыт. Озираясь, он вытащил из кармана ключ и отпер замок.

В предбаннике тем временем четверо эксклюзивных посетителей казино «Фламинго» сняли свои дорогие костюмы и переоделись в халаты.

– Ну, мужики, сделаем первый заход, а там и по массажу? – предложил Грин. – Филя, Ролик, айда в опочивальню. – И, обратившись к четвертому, добавил:

– Ты бы, Баклан, поторопился, а то ничего тебе не достанется!

Баклан быстро набросил на голые плечи халат.

– Готов!

Через полчаса к старому кирпичному дому, торцом выходящему на Садовое кольцо, подъехал коричневый фургон «газель», из которого выскочили шестеро мужчин в черном. У каждого в руке болталась длинная спортивная сумка. Пассажиры «газели» юркнули в подворотню и уверенной рысцой пустились вдоль большого дома.

Очутившись у противоположного торца, они резко свернули за угол и, пройдя еще метров пятьдесят, оказались у служебной двери в казино «Фламинго».

Тот, кто шел первым, осторожно потянул рукой дверь. Та бесшумно приоткрылась.

– Порядок, банщик все подготовил. Можно начинать! – шепнул он.

– Не рано? – засомневался второй. – Час-то еще не прошел.

– Вот и хорошо. Люблю устраивать сюрпризы. Распахнув

дверь служебного выхода настежь, шестеро непрошенных посетителей казино «Фламинго» просочились внутрь.

– Давайте, девочки! Давайте! Не останавливайтесь! Не стесняйся, Катюша!

Представь, что это эскимо с клубничным джемом! Засоси поглубже! – постанывал Филя, лежа на кушетке в теплом предбаннике. Над ним трудились две юные феи.

Светланка и Катюша, встав на четвереньки и склонившись над «жертвой», энергично массировали восставший член Фили, время от времени по очереди пробегая по его блестящей багровой головке горячими язычками. Филя, закрыв глаза и блаженно улыбаясь, корчился от мучительно-сладостной боли. Девчонки действительно были мастерицы своего дела. По соседству еще одна грудастая красotka обрабатывала забалдевшего от удовольствия Грина, предложив ему сеанс тайского массажа: Грин лежал на животе, а девица своими тяжелыми белыми грудями проводила по его спине так, чтобы он чувствовал только легкое прикосновение крупных сосков. Через некоторое время она скомандовала ему: «А теперь, голубчик, пожалуйста, на спину!» Грин послушно повернулся и увидел перед глазами два белых шара с коричневыми кружками. Ленка обхватила груди обеими руками, сжала их и медленно провела по его животу, все ниже и ниже, пока шары не уткнулись в его офигительного «бойца», стоящего по стойке «смирно». Ленка зажала «молодца» между грудей и стала легонько, но ритмично сжимать

и разжимать его, пока Грин не начал судорожно подергиваться от наслаждения.

– Вот это массаж так массаж, – хрипел он. – Кто тебя этому научил, Ленок?

– Жизнь научила, Гриня, – усмехнулась массажистка. – Приятно?

– М-м-м... – только и смог ответить Грин. Остальные двое сидели за столом и дожидались своей очереди, не отводя взгляда от двух массажных кушеток в центре предбанника. По правилам, установленным в этом заведении, массажистки никогда не вступали в непосредственный половой контакт с клиентами, но клиентам этого даже и не требовалось: массажное мастерство профессионалок казино «Фламинго» было на столь высоком уровне, что клиенты испытывали долгий сладчайший оргазм и без непосредственного соития, бесконтактным путем – как говорят в народе, при участии «Маши Кулаковой».

Филя издал утробный рык, и мощный белый фонтан ударил Светке прямо в лицо.

– Еще, еще, курвы! – стонал Филя, скрежеща зубами. – Давайте еще!

И Катька со Светкой давали: одна втягивала содрогающийся член в рот и терзала его языком, отчего Филя стонал и извивался еще больше. Другая в этот момент выцеловывала ему все, что только можно было придумать. Помучив клиента еще минут пять, массажистки наконец оставили его в по-

кое, слезли с него и стали как ни в чем не бывало одеваться.

– Побудьте тут, мальчики, не скучайте – мы сейчас. Быстренько попудрим носик и вернемся! – лукаво прошебетала Лена.

Грин плеснул себе водки в стопку и залпом осушил.

– Ну, блин, намяла мне... – блаженно заметил он, кутаясь в огромную махровую простыню. И, с усмешкой поглядев на очумевшего Филю, добавил:

– Это тебе не в кустах в засаде лежать... Кайф словил?

Филя молча кивнул.

– Я вот все думаю: заметили нас тогда или нет? – продолжал Грин. – Вроде мы не слишком шумели...

– Не слишком, ага! – насмешливо отозвался Акула – плотный парень лет тридцати с рыжеватыми кудрями. – Вот только одного дозорного шмальнули – а так ничего, все тихо...

– Выхода не было. Если бы не эта сучья кошка, этот глухарь ни хера бы не услышал. Кошку ты, Акула, спугнул – вот и пришлось тебе его замочить, – недовольно пробурчал Грин, растягиваясь на широкой лавке. – Ладно. Баба с возу – лошадь в галоп. Я, кстати, точно знаю, что воры тогда в Краснооводово собрались теплой компанией не просто водочку попить. Толковище у них было.

Дошел до меня слухок: что-то зреет против Варяга.

– А он в курсе? – озабоченно спросил Акула. – Я, между прочим, тоже про это мутилово сегодня слышал. Закорешился я тут с одним чуваком из бригады Толяна. Так этот

придурок сболтнул, что у Толяна, то бишь у Дяди Толи, зуб вырос на Варяга.

– Я тоже что-то слышал, – подтвердил Грин. – Про Дядю Толю. Да, надо бы Варяга на всякий случай предупредить. Я звонил к нему позавчера, хотел повидаться, Да секретарша сказала: занят. Ну, я передал, что Грин звонил... Но только без толку... Хотя я уверен, он и сам небось про эти дела знает. У него ведь служба внешней разведки ого-го как работает. Не хуже, чем кремлевская...

Вдруг за дверью раздался странный стук, потом послышались тихие шаги.

Это были явно не девчонки-массажистки на высоких каблуках. Грин тут же вскочил с лавки и наострил уши.

– Что это? – тревожно выдохнул Филя и знаком приказал Штырю подойти к двери.

И в эту самую секунду дверь в предбанник с грохотом распахнулась, в помещение вбежали несколько человек и тотчас, ни слова ни говоря, выхватили из-под длинных черных пальто короткоствольные автоматы с намернутыми глушителями. Четыре ствола закашляли глухо и коротко, впечатывая свинцовые харкотины точно в цель. Пятый автоматчик не стрелял: он прикрыл дверь и загородил ее, держа автомат наперевес.

Предбанник наполнился удушливым смрадом пороховой гари.

– Готовы, Ляха? – поинтересовался человек, стоявший у

двери.

– Ну а куда же эти мудаки денутся! Наповал! – подтвердил один из киллеров в черном, кого называли Ляхой.

– Быстро уходим! – скомандовал тот, который не стрелял. Бригада бесшумно выскользнула в темный коридор.

– Банщик не сдаст? – шепнул Ляха. Тот, что не стрелял, кивнул.

– Вы рвите к фургону, а я с ним сейчас перекинусь парой слов. – С этими словами он толкнул дверь с надписью: «Служебное помещение».

Сухарев сидел ни жив ни мертв в уголочке на стуле и Тербил в руках длинную белую веревку. Как только человек в черном плаще зашел к нему в комнатуху, он вскочил и, нервно дергая щекой, произнес срывающимся голосом:

– Вот это... я тут... веревку приготовил. Как договаривались...

Связывайте меня... Да побыстрее, а то ща девки вернутся – хай подымут.

Вошедший, не проронив ни слова, вскинул черный автомат и нажал на спусковой крючок. Автомат недовольно закашлял, дергаясь стволом. На груди у банщика взбугрились кровавые кратеры, из которых сразу потекли алые струйки.

– Мы же договори... только связа... – просипел жалобно Сухарев и выбросил вперед слабеющую руку с зажатой веревкой.

– Ну, будем считать, Палыч, что я тебя кинул... криво

усмехнулся убийца и, сунув еще дымящийся автомат под плащ, вышел и плотно прикрыл за собой дверь.

Глава 2

Старый вор Михалыч, по своему обыкновению, полулежал на мягком кожаном диване, прикрыв ноги стареньким клетчатым пледом. В последние недели он резко сдал, и Варягу казалось, что в его запавших, потухших глазах уже блуждает призрак очень скорой смерти. Варяг и сам не знал, зачем он приехал сегодня в Серебряный Бор. Вроде бы посоветоваться – да только какой совет сегодня может дать ему, смотрящему России, этот старый больной человек. Хотя чем черт не шутит. Михалыч был вором еще тогда, когда Варяг даже не родился. Когда у руля всех основных воровских дел стоял легендарный Медведь. Михалыч был уважаемым вором и после смерти Медведя, как говорится, «последним из могикан», из старой гвардии воров в законе. Он много повидал на своем долгом веку, но вот, видно, и ему подошел срок оставить нашу грешную землю. Но он не собирался сдаваться на милость безносой так уж легко. Михалыч славно пожил и конечно же мечтал как можно дольше продлить срок своей бременной земной жизни.

Варяг уважал Михалыча. И сейчас сидел у него не по праздной прихоти. Но и не совета приехал к нему просить Варяг, а моральной поддержки, потому что знал: в конфликтах с авторитетными ворами старик всегда будет держать его сторону. Так было всегда – взять хотя бы недавнюю размолв-

ку со сходянком по поводу приватизации «Балтийского торгового флота» с которой, собственно, и начались все последние неприятности Варяга. И в нынешнем конфликте с законными Михалыч его непременно поддержит – если не делом, то хотя бы словом.

– Ну давай выкладывай, Владик, – без предупреждения начал Михалыч. – Не томи. Стар я стал – все в сон клонит. Вот и теперь, ты уж извини, что я лежу, – что-то глаза слипаются. А ты давай налей себе стопочку-у меня, как ты знаешь, напитки отменные, я охоч был до этого дела, когда в молодых ходил. – И с этими словами он смежил веки.

Варяг улыбнулся: старик и впрямь был известен своей склонностью к изысканным заморским напиткам. К водочке он, странное дело, оставался всегда равнодушен, предпочитая французские коньяки да германские вина. Варяг подошел к круглому ореховому столику у книжного стеллажа, взял пузатую темную бутылку коньяка «Реми Мартен», с хлопком вытащил плотно пригнанную пробку и плеснул в низенькую рюмку коричневатой жидкости.

– Хорош! – шевельнулся Михалыч и потянул ноздрями воздух. – Запах сразу чую! Пей, пей.

Варяг неторопливо, врасстяжечку выпил ароматную жидкость и почувствовал, как огненная струйка потекла по пищеводу.

– Ну, в общем, Михалыч, ты и так все знаешь – все закрутилось в тугой узел, – тихо начал Варяг. – Был я на прошлой

неделе на сходе. Причем, что странно, разговор вышел у нас нехороший. Песочили меня как коммуниста на партактиве – все по очереди выступали, критиковали. Предложили, чтобы я отдал им общак. Не нравится им, видишь ли, что я большие дела стал делать! – Он бросил взгляд на старика. Тот лежал, прикрыв глаза, и, казалось, спал. Варяг недовольно осекся: что он языком тут чешет, а Михалычу все до фени. Да и не мог он не знать о воровских делах. Хотя последнее время старик сиднем сидел в своей серебряноборской берлоге, не высовывая носа, сведения со всей России, а тем паче из Москвы стекались сюда тонкими струйками.

Вдруг Михалыч дернул головой и громко заметил:.

– Нет, Владик, не все так просто, как ты говоришь. Тут не в ворах только дело. Не знаю, как Максим, но слышал я, что Закир чей-то серьезный заказ сейчас выполняет.

Это было Варягу не в новость, но он решил на всякий случай прощупать Михалыча.

– И чей же? – спросил он.

– Сдается мне, взяли Закира в разработку, – отозвался Михалыч, – люди в погонах с крупными звездами. И если он на тебя бочку катит, то не по собственной инициативе, а потому, что так его научили.

– Кто? – Варяг подумал: «Вот так Михалыч! Все сказывается старым да немощным, а ведь он, пожалуй, не меньше моего знает».

Старый вор крикнул и, скинув плед, резко выпрямился и

сел на диване.

– А ну-ка, Владик, плесни и мне коньячку для бодрости.

Вылив в глотку «Реми Мартен», Михалыч устремил пристальный взгляд на Владислава.

– Каша заваривается покруче, чем ты думаешь. Слыхал я о твоих неладах кое с кем из воров – и тут не в общаке дело. Общак – только повод. Ты же читаешь газеты, телевизор смотришь... Сам знаешь, что в Кремле творится.

– Да при чем тут Кремль, Михалыч, – махнул рукой Варяг. – Мы как-то всегда ухитрялись от Кремля подальше держаться. Чего нам в их дела лезть. Пусть они там сами разбираются. Нам же довольно своих гешефтов с эмвэдэ...

– Не перебивай! – недовольно прервал его старик. – Ты дослушай до конца!

При том тут Кремль, что «Дед» совсем плох стал – не сегодня завтра объявит о своей отставке! Вот тут-то вся карусель и закрутится!

– Ха-ха-ха! Да ты, Михалыч, фантазер! – хохотнул Варяг. – Чтобы «Дед» добровольно власть отдал – да не такой он мужик! Он из Кремля только ногами вперед выедет. Какая там отставка!

Михалыч покачал головой.

– Чудак ты, Владик. Вроде умный мужик, всю Россию под своим контролем уже сколько лет держишь, а таких простых вещей прочухать не в состоянии. Что-то готовится интересное. То-то ведь все сейчас засуетились – ты глянь: и менты, и

военные. Особенно военные – сейчас они опять кашу заварят в Чечне, помяни мое слово! И уж тогда-то их не остановишь. Пролетают там все так, что Терек галькой засыплют и горы сровняют с долинами. Да и у нас в Москве большие разборки пойдут. Ведь эта история с генеральным прокурором, которого все уволить хотят, да никак не могут, неспроста возникла. Вся эта возня – только подготовка к главному: кое-кто хочет убрать «Деда» и поставить своего человека. По-тихому, по-мирному, без скандала. Может, ему на ушко что нашептывают, внушают. А может, и припугивают – кто их разберет. А как только «Деда» уберут – все пойдет наперекосяк. Начнется большая дележка – крупная дележка, все опять перетряхнут.

Алюминий, нефть и газ, алмазы да золото начнут по-новому хапать. Опять начнется большой отстрел. А как станут «заказывать» друг дружку, тут уж, сам понимаешь, без бандитов им не обойтись. Да и нас, воров, будут приманивать, чтоб под себя подмять. Потому как с нашей помощью, Владик, а точнее, руками самых глупых, самых алчных, самых беспринципных начнут обделять свои делишки. Помнишь Капусту?

– Киллера, который пару лет тому назад пулю ментовскую схлопотал... – тут же вспомнил Варяг.

– Вот-вот. Он же, дурило, позарился на бабки, а о своей воровской наколке позабыл – вот и поплатился: подох, как собака, на пустыре. Этих дураков и сейчас немало. И около-

кремлевские люди это прекрасно понимают и будут использовать таких, как Тима или Максим Кайзер. За ними ведь длинный шлейф всяких делишек тянется, и эмвэдэшные генералы этим пользуются. Я не удивлюсь, если ты мне скажешь, что и Закира в свое время вызывали на улицу Огарева и показывали его секретное досье. А там, в этом досье, много чего интересного есть – уж это я знаю! Так что, если, допустим, прикажут и ему против тебя войну объявить, он ведь и объявит, не вспомнит, что тебя на место смотрящего Медведь – царство ему небесное – благословил.

Варяг покачал головой.

– Что-то я не совсем понимаю, что происходит. Наверное, правы те, кто считает, что слишком я отдалился от коронованных. Твои слова, Михалыч, для меня как китайская загадка. Сделай милость, просвети!

Михалыч усмехнулся:

– Просто, пока «Дед» сидел на троне все эти годы, все как-то устоялось, устаканилось. Всяк сверчок знал свой шесток. А теперь как только люди почуяли, что пахнет большими переменами, – и законные это почуяли, и, главное, ооколокремлевские начальники, которые наших братков прикормили, – сразу началась вся эта неразбериха. Я думаю, сейчас многозвездные генералы в МВД и ФСБ сами даже не понимают, с кем они, за кого они. Вот и начали среди воров воду мутить.

В Кремле люди за свою шкуру трясутся. Ну и наши тоже забеспокоились, засуеились. Многие решили, что надо

побыстрее закорешиться с новыми хозяевами, тогда, может быть, все утрясется. Но проблема в том, что никто сейчас не знает толком, кто эти новые хозяева...

Недаром же что ни день, то новый слушок – того снимут, этого снимут.

Теперь ведь не как в советское время: одного сняли, другого назначили – а машина знай себе крутится, как и прежде. Нынче коли кого снимут – так за ним рухнет целая пирамида на местах: чиновники посыплются, люди в погонах зашатаются, а за ними и те, кто с оружием за пазухой. У нас сейчас каждый крупный начальник – это как замкнутое государство, со своей трудовой армией, вооруженной охраной, системой кормежки... Вон в таможене как – как только начальника меняют, так вся пирамида таможенного комплекса к едрене матери летит, и ее приходится всякий раз заново строить. Так-то вот.

Михалыч снова прилег на диван. Видно, он устал от своих речей. Варяг молчал, размышляя о словах старого вора. Он расстегнул две верхние пуговики на рубашке. Под рубашкой мелькнули голубые линии наколки на груди. Эта наколка была для него дорогой памятью, оставшейся от одной из первых отсидок. Парился на одной зоне с Варягом известный художник, который за пайку делал тамошним сидельцам изумительные наколки. Именно этот тощий и вечно поддатый ханурик сотворил самую главную наколку Варяга – крест с двумя парящими над ним ангелами, – с которой он потом,

когда сводил свои знаки воровской чести, не пожелал расстаться.

То, о чем рассказал ему Михалыч, вернее, не рассказал, а намекнул, озадачило Варяга. Он и впрямь не подумал, что тяжелый разговор с ворами, который едва не закончился кровопролитием, мог стать следствием не недовольства людей его, Варяга, коммерческими проектами, а прямого «заказа» со стороны.

Сверху... Может, надо покопать где-то рядом, прощупать почву вокруг каждого из больших воровских авторитетов. Но кто этим может заняться? Только самые верные люди. Сержант. Филат...

– Ты, Владик, еще вот о чем подумай, – подал слабый голос Михалыч. – Не знаю, какие ты дела крутишь с властью, но учти: преемственность кремлевских начальников закончилась. Теперь будет взрыв. «Дед» уйдет – это, я думаю, дело давно решенное, только пока они там не знают, как все это озвучить и обставить.

Наверняка и сменщика ему уже присмотрели. И не из тех, кто на телеэкранах мелькает, это будет совсем неизвестный человек, чью фамилию народ даже не знает – ну, может, краем уха слышал пару раз, но и только. И знаешь почему?

Варяг бросил на старого вора вопросительный взгляд.

– Их всех «Дед» сильно напугал – своим упрямством и самодержавными ухватками. Больше они такого не допустят. Им нужен тихий, послушный, гуттаперчевый мальчик, – Ми-

халыч хихикнул. – Помнишь, был такой детский рассказ «Гуттаперчевый мальчик»? Про циркового артиста-мальчишку, который выступал на арене. Ловкий был, цепкий, гнулся, как резиновая кукла. Вот такой податливый тихоня им теперь и понадобится. Чтобы никаких проблем с ним не было – ни в смысле физического здоровья, ни в смысле моральных устоев.

– Такие только в гэбэ водятся, – усмехнулся Варяг. Михалыч очень серьезно поглядел на него:

– А я и не исключаю... И те, кто посадит его на трон, потребуют от него отработать по полной программе. Так что грядут темные времена, Владик! – И старик замолчал. – Да, кстати, я слышал, позавчера твоих ребят положили в какой то сауне...

Варяг нахмурился:

– Да, Михалыч, положили.

– Отморозки? – Не похоже. Скорее, это мне сигнал. Или... – Варяг помолчал, – Один из этих ребят... Грин... уже дня три ко мне просился на встречу, а я замотался...

Все время не мог выкроить. Грин просто так не стал бы стрелку забивать.

Наверное, было что сказать. Да вот не успел...

Варяг ехал от Михалыча погруженный в тревожные мысли. После гибели Светланы и Олежки он сильно изменился – он это чувствовал. Прошло уже три месяца после их смерти, но горечь утраты не утихала. Он до сих пор не верил, не

хотел поверить, что мина, подложенная под его «мерседес» в тот злополучный день, предназначалась не ему, а им. Конечно, метили в него – и он казнил себя за то, что не смог уберечь жену и сына от гибели. Он немного даже завидовал старым коронованным вора́м, которые всю жизнь оставались бобылями – без законной жены, без семьи. Жена, дети, дом – все это налагало дополнительную ответственность, отвлекало от славных воровских дел. Но то были понятия прошлой, ушедшей эпохи. Варяг был авторитетом нового поколения – его таким сделал Медведь и, в куда большей степени, Егор Сергеевич Нестеренко, его учитель. Не зря же по повелению Медведя он в свое время свел все воровские накладки – предмет гордости любого урки, изменил внешность, привычки, образ жизни. Ему позволено было завести семью, свой дом, свой быт. Самые старые, самые уважаемые авторитеты, многие из которых уже ушли в мир иной, считали, что так он лучше сумеет отстаивать воровскую идею. Светлана и Олежек были его семьей – и хотя, как он понимал, ему приходилось уделять им слишком мало времени, теперь, когда он потерял их, Владислав сполна ощутил пустоту вокруг себя. Он оказался в вакууме.

Конечно, это тягостное ощущение усугублялось и той враждебной аурой, которая возникла в последнее время в его отношениях с ворами. Но эта враждебность его почему-то совсем не беспокоила. Напротив, он исподволь ощущал какую-то равнодушную усталость от тлеющего кон-

фликта, не заботясь о его возможном исходе. Все мысли были заняты одним вопросом: как жить дальше? И ответ на этот вопрос был только один – у него оставалась Лиза. Дочка. Девочка, с которой он, по сути, был едва знаком, которую он и видел за эти годы считанные разы.

И Лена... Все тут было совсем непросто. Лизина няня Лена как-то сразу вошла в его жизнь и встала вровень с образом Светланы. Почему – он и сам не мог понять. Он часто сравнивал их – погибшую жену, пережившую с ним столько горя, страшных испытаний и лишений, что не дай бог кому-нибудь, и тихую, молчаливую Лену. Они были такие разные! Чем-то эта очень неглупая и острая на язык девушка напоминала ему другую Лену – внучку священника Потапа из глухого таежного скита, которая его выходила и, можно сказать, вытащила с того света полтора года назад. Воспоминания о мимолетном таежном увлечении остро кольнули сердце Варяга, Та Лена тоже погибла из-за него. Он даже застонал от своих мыслей, так что водитель Серега слегка повернул голову – не случилось ли с шефом чего...

Варяг отвернулся к окну. За тонированным стеклом мелькали новостройки Строгино.

Да, он изменился после их гибели. Наверное, жестокая смерть всех этих невинных людей, которые любили его и которых – каждого по-своему – любил он, произвела на его душу некое неосоздаемое воздействие, следствием чего стало внутреннее ожесточение и – апатия. Он стал спокойнее,

нет... равнодушнее относиться ко всему, что раньше казалось ему важным, — к своим делам, к планам на будущее и, главное, к неприятностям, которые в последние месяцы валялись на него со всех сторон. Теперь, после потери самых дорогих ему людей, Варягу уже ничего не было нужно. Или ему так только казалось. Лишь упрямый азарт игрока, привыкшего побеждать, врожденный инстинкт бойца заставляли его держать себя в руках.

Вспоминая разговор с Михалычем и прокручивая в голове последние слова старого вора, Варяг понял, что он все-таки не прогадал и в последние полгода все Делал правильно, вложив немалые средства в политическую деятельность, которую ему, в частности, и поставили в вину воры. Они сочли, что он бросает деньги на ветер, занимается не тем, чем надо, но теперь выходит, что он был прав. Он все делал правильно. Он не зря терпеливо и упрямо взращивал по всей стране — от Калининграда до Владивостока — своих людей в политических кругах, во властных структурах, в прессе. Он ковал свою политическую организацию, свой передовой отряд верных людей, на которых можно было опереться в грядущей большой драке. Если слова Михалыча верны, если и впрямь «Деда» уберут — сам ли он уйдет, или его вынудят уйти, неважно, — то начнется передел. И в общей суматохе можно будет протолкнуть своих людей в Думу. Ведь сам он, Владислав Геннадьевич Щербатов — тогда, в начале 90-х, такая была у него фамилия, — прошел в Думу «на ура».

Так неужели сейчас, спустя восемь лет, когда он поднабрался опыта и обрел невиданный авторитет, ему не удастся протолкнуть в Думу и Совет Федерации армию своих людей – депутатов, губернаторов... И самое главное – своего кандидата в президенты.

Такой у него на примете давно уже был и давно им вскармливался.

Известный политический деятель с десятилетним стажем, чье имя на слуху у миллионов россиян, который не первый год депутатствует в Думе, возглавляя сильную фракцию, – Леонид Васильевич Шелехов, председатель партии «Союз». Варяг только в этом году ассигновал три миллиона долларов на избирательную кампанию Шелехова. Конечно, Леонид Васильевич, оперируя своими правильными лозунгами, среди которых борьба с коррупцией и криминалом занимала не последнее место, даже под пыткой не признался бы, что его парламентскую фракцию финансирует известны и российский вор в законе Варяг... Но факт оставался фактом – это была любовная сделка, о которой обе стороны договорились на тайной встрече в Сан-Франциско четыре года назад, как раз перед тем, как был убит один из «крестных отцов» американской мафии Монтиссори, а российского бизнесмена Владислава Игнатов арестовали и посадили в тюрьму.

С тех пор, то есть за эти четыре года, Шелехов значительно прибавил в политическом весе. Теперь он уже входил в

группу «политических тяжеловесов», и на предстоящих президентских выборах у него были неплохие шансы занять почетное место, а может быть, даже проскочить во второй тур. Об этом, во всяком случае, свидетельствовали опросы общественного мнения, проведенные независимым агентством «ГЛАС». Мало кто знал, впрочем, что агентство «ГЛАС» также финансировалось Варягом и занимало важное место в политической пирамиде, которую Владислав Геннадьевич строил на деньги общака. При очень благоприятном раскладе политических карт могло произойти и вовсе невероятное – Шелехов мог стать новым российским президентом. В конце концов, думал Варяг, это же не Италия, не Франция, не Соединенные Штаты, это Россия. А в российской политике действует закон покера: либо ты срываешь куш дуриком, либо ты проигрываешь, опять-таки дуриком, либо втихаря подменяешь колоду и банкомет сдает тебе четыре туза с джокером в придачу.

Варяг предпочитал играть в «русский покер» наверняка, поэтому всегда, во всех случаях, выбирал последний – беспроигрышный – вариант. Только один раз он рискнул сыграть наудачу – как в истории с приватизацией «Балтийского торгового флота» – и потерпел фиаско. Но больше таких глупостей он не сделает. Тем более играя в политический покер. Тут все должно быть заранее просчитано и везде расставлены свои надежные люди – и банкомет, и официанты, и кассир, и даже швейцары при входе. А там, глядишь, получишь

тузовый покер с первой сдачи.

Теперь, думал Варяг, если события будут развиваться по тому сценарию, который ему только что набросал Михалыч, Шелехов может стать для него тем припрятанным в кармане джокером, который позволит умелому шулеру сорвать весь банк. Варяг обхватил ладонью лоб и сильно потер виски большим пальцем и мизинцем. Да это же будет большой джекпот! Самое любопытное, что у Шелехова действительно были шансы стать президентом – в этом Варяг не сомневался.

Разумеется, надо было поскорее создать благоприятные условия для его победы.

Что такое благоприятные условия, Владислав пока и сам до конца не понимал, но ясно было одно: как на автогонках для одного из фаворитов создаются выгодные условия, например перед стартом обнаруживается, что у машины основного соперника пробит бензопровод... Такие досадные сбои бывают.

В политических же играх благоприятные условия создаются путем перетасовки игроков. И Варяг был готов к любым ходам. Ради победы в этой сложной игре он был готов пойти на все.

Возможно, придется вызывать из Питера Сержанта и просить его расчехлить любимую снайперскую винтовку.

Глава 3

Группки иностранных и российских туристов, чинно перетекавшие от Царь-колокола к Царь-пушке, а затем – к белокаменным соборам около колокольни Ивана Великого, не устаивали вниманием строгое пятиэтажное здание в глубине кремлевского ансамбля. Но как бы удивились эти гости столицы, скажи им, что вовсе не в помпезно-великолепном кабинете президента России в Большом Кремлевском дворце, не в длинных коридорах брежневской высотки Белого Дома и не в сталинском гранитном бронтозавре на Охотном ряду – бывшем Госплане и нынешней Госдуме, а вот в этом желтом здании прошлого века, в одной из его тихих комнат, принимаются решения, которым, даст бог, суждено сыграть важнейшую роль в судьбе великой державы на заре третьего тысячелетия...

В просторном кабинете, обшитом темными деревянными панелями, было как всегда тихо. Вдоль трех стен, убегая к высокому потолку, высились книжные стеллажи, плотно заставленные тонкими и толстыми томами – судя по ветхим корешкам, это были очень старые книги, и как-то не верилось, что нынешний обитатель этого кабинета хоть изредка да раскрывает их и листает.

И впрямь, Александр Иванович Сапрыкин – для близких знакомых просто Алик, – хотя и занимал этот кремлевский

кабинет шестой год и уже прижился здешней антикварной обстановке, все равно почему-то не ощущал себя здесь хозяином и робел брать с полки эти ветхие книги. Как до сих пор никак не мог привыкнуть к мелодичному перезвону колоколов главных часов страны. Он даже порой подходил к занавешенному белой портьерой окну, откидывал тяжелую шелковую ткань и с каким-то недоумением глядел на видневшуюся вдали краснокирпичную башню с темным циферблатом часов, которые отмеряли ход истории. Ему как будто еще не верилось, что после смерти отца, старого кремлевского чиновника, пережившего пять генеральных секретарей, все его наследство перешло целиком к нему, Алику Сапрыкину. Это было нетленное наследство: крепкие знакомства, надежные связи, а главное – информация. Не та, что рачительно накапливалась в бесчисленных папках с секретными стенограммами заседаний политбюро и секретариатов, президиумов и съездов, а та, что держалась в головах по крайней мере трех поколений безымянных аппаратчиков – настоящих носителей государственных секретов страны. Отец Алика – Иван Пахомович Сапрыкин – был главным аппаратчиком Советского Союза – он ведал Центральным архивом специальной документации (данное учреждение не значилось ни в одном справочнике) и знал многих и многое, о чем лучше было бы не знать и забыть.

Но Иван Пахомович знал и не забыл – и в последние два месяца перед кончиной, лежа на смертном одре на Даче в

Жуковке-5, тихим хриплым шепотом рассказывал на ухо сыну все то, что считал своим долгом ему поведать.

Смышленому Алику не стоило большого труда понять, каким богатством он располагает, – и первое, что он сделал после смерти папы, позвонил по одному из переданных ему Сапрыкиным-старшим телефонов, Естретился с нужным человеком и после недолгих переговоров получил ключ вот от этого самого кабинета. Это случилось шесть с лишком лет назад.

За эти шесть лет он многого добился. Страна пережила бурные события: взлет и падение политических «тяжеловесов», шахтерские забастовки и финансовые скандалы, банковские войны, криминальные войны, войны на Северном Кавказе... В стране создавались и разрушались политические партии, политические репутации...

Но только в этом тихом кабинете на третьем этаже, неприметной кремлевской пятиэтажки эпохи Александра III царили покой и безмятежность. И хозяин кабинета Алик Сапрыкин, и немногие люди, посещавшие этот кабинет, – друзья и единомышленники Сапрыкина, которых он полушутя-полусерьезно величал своими «под ельниками», – занимали в иерархии государственной власти негромкие должности.

Но именно они, «подельники», и были тайными режиссерами и кукловодами в том пугающем многоактном трагифарсе, что разыгрывался на российских театральных подмостках вот уже не первый год. Причем многие актеры, ис-

полнявшие даже главные роли в этом страшном спектакле, даже и не подозревали, чьей воле они повинуются и в чьих интригах они являются невольными исполнителями...

Сапрыкин давно убеждал своих «подельников» в том, что Владислав Игнатов, смотрящий России по кличке Варяг, затеял опасную игру: он стал вести себя совсем не так, как от него ожидали, и пришла пора его немного охолодить. Варяг совершенно оттеснил от своего бизнеса людей, связанных с кремлевскими «подельниками», и не желал делиться ни с кем, даже перестал отстегивать положенное в воровской общак. Более того, совсем недавно выяснилось совершенно неожиданное и неприемлемое обстоятельство: Варяг тайно финансировал избирательную кампанию депутата Госдумы Шелехова. И даже, как донесли ему верные люди, намеревался сделать его кандидатом в президенты.

Сапрыкина и его сотоварищей это сильно напрягло. Тем более что, зная финансовые возможности и организационные ресурсы Варяга, он не исключал вероятности того, что Шелехова в 2000 году таки выберут президентом. И это был абсолютно неприемлемый вариант потому что Сапрыкин и его «подельники» уже давно присматривались к одному малозаметному государственному чиновнику со, как они выражались, «скрытым президентским потенциалом». Словом, Сапрыкин вынужден был принять непростое, но единственно верное в этих условиях решение: убрать Варяга с об-щака и поставить смотрящим России другого, более сговорчиво-

го вора со славным прошлым, пользующегося большим авторитетом среди криминальных «хозяев»

России.

Основная цель Сапрыкина и его «подельников» заключалась в том, чтобы, взяв под свой контроль российский общак, использовать этот тайный криминальный банк для финансирования важнейшей политической игры – выборов нового, точнее сказать, нужного президента России. Громкие финансовые скандалы вокруг прошлых президентских выборов показали, что секретное использование государственных средств в политических играх рано или поздно вскроется и какой-нибудь слишком рьяный депутатишка или генеральный прокуроришка начнет копать... Если же используешь деньги из «теневых» источников – а российский общак в этом смысле был идеальным источником, никто подкопаться не сможет...

Сапрыкин встал из-за стола, подошел к книжному стеллажу и, пожалуй, впервые за все время своего сидения в этом кабинете взял с полки книгу в темном переплете. С некоторым трепетом он раскрыл увесистый том и прочитал на титульном листе; «Пьер Пуанкаре. Тайная история государственных заговоров».

«Актуально», – усмехнулся про себя Сапрыкин. И он мысленно вернулся к встрече, которая состоялась у него на даче в подмосковном поселке Жуковка-5 примерно два месяца назад и с которой, собственно говоря, завязалась нынешняя

интрига...

Сапрыкин поставил толстый том на место и вернулся за стол. Теперь ему предстоял нелегкий разговор с человеком, способным обеспечить успех той многоходовой операции, которую он, Александр Иванович, задумал. Кодовое название операции он уже придумал: «Большой сходняк». Юмор ситуации заключался в том, что он-то сам имел в виду вовсе не воровской сход, а тайный совет крупнейших воротил теневой политики России – собрание еще более законспирированное, чем собрание криминальных авторитетов. Да и сам этот политический «большой сходняк» был сообществом куда более влиятельным, чем пресловутая «семибанкирщина» финансовых олигархов.

Сапрыкин снял трубку и набрал номер. В трубке послышалось низкое вибрирующее гудение – это работал «скремблер», противопрослушивающее устройство-"глушилка", позволявшее абонентам АТС-1 и АТС-2 правительственной связи вести секретные разговоры. Но Сапрыкин знал, что параллельно со «скремблером» кремлевские особисты подключают к линиям и «антискремблеры» – новейшие японские феньки, с помощью которых можно нейтрализовать любую «глушилку». Поэтому сейчас он должен был сообщить своему собеседнику всю информацию на кодовом языке, к которому их «большой сходняк» давно уже привык.

– Владимир Иванович? Это Алик, – Сапрыкин понизил голос. – У вас какие планы на ближайшие выходные? Пред-

лагаю съездить порыбачить... В то же место что и прошлый раз. И в то же время. Только на час раньше. И днем позже. — Он помолчал, выслушивая ответ — Договорились! Закусочку я обеспечу, как всегда А вы — горячее. И передайте остальным. Ну до встречи!

Он положил трубку и посмотрел в окно. Куранты на Спасской башне пробили семь раз.

Глава 4

Грунт посмотрел на часы: без десяти восемь. Так, значит, самолет должен прибыть в двадцать пятнадцать, если, конечно, не опоздает, но это можно сейчас выяснить... Дальше – пока он будет выходить, пока пройдет через депутатский зал, пока из здания аэровокзала выйдет, пока выедет с территории аэропорта – на это еще надо накинуть минут тридцать-сорок. Значит, около девяти появится.

Кирюха Грунт имел три ходки, и во время последней – когда пять лет назад отсиживал в Пермской колонии строгого режима за вооруженное ограбление инкассаторского броневика – его короновали. Не за бабки, как многих новоявленных «законников», а за заслуги перед миром. Грунт в свои тридцать два был парень отчаянный, бедовый – ни хрена не боялся, мог с голыми руками попереть на ментов с «пээмками», как он, собственно, и поступил во время столь неудачно для него закончившегося налета на банковский бронированный «форд». Он тогда все подготовил как надо, по уму – между прочим, как и сейчас, – и два его помощника, два пацана-школьника, которые помогли ему остановить броневик в глухом переулке, ни сном ни духом не подозревали, в какое дело он их втравил...

Вот только облом произошел оттого, что как на грех, когда он уже шофера и одного охранника завалил из своего «тэт-

эшника» с глушителем, из-за угла вылетел ментовский уазик, и все пошло наперекосяк. Из уазика на него выпрыгнули два сержанта со стволами наперевес. Первым делом заклинило его «тэтэшник» – старый пистолет, доставшийся ему от одного друга во Владимирской пересылке.

Но Грунт не растерялся, отбросил бесполезный пистолет и полез на ментов диким воплем – думал, психическая атака возымеет действие. Менты и впрямь смутились, но только на миг: один, сука, прострелил ему ногу пониже колена, и они его повязали, истекающего кровью без труда. Он только руками махал, орал благим матом и все норовил то одного, то другого укусить побольнее. Но они его вмиг утихомирили – рукоятками своих «пээмок» разбили ему лоб и затылок. А потом во время следствия, когда он пытался обвинить их в применении силы при задержании, те менты показали, что это он сам бился башкой о мостовую – психа, мол, изображал. В общем, впаляли ему десятку, из которой он пять отсидел и под очередную амнистию вышел за хорошее поведение – условно-досрочно. «Кум» написал на него рапорт (за этот рапорт пришлось отстегнуть тому «куму» десять «тонн» баксов, которые у Грунта были припасены на черный день), и через месяцок он вышел.

По трехкилометровому узкому перегону от Шереметьево к Ленинградскому шоссе неслись редкие машины и автобусы. Уже стемнело. Но Грунта это не волновало. За пазухой, оттопыривая куртку на груди, лежал инфракрасный прицел

ночного видения. Он навернет металлическую трубку с линзами на ствол и будет ждать своего клиента. Клиент был удобный – обычно ездил без охраны, и, как Грунт догадывался, сегодня-то уж он тоже будет без бритых ребят в черных очках и с проводами радиосвязи в ушах, хотя Шелехов вез из Греции бабки. Большие бабки, которые он, пользуясь своим диппаспортом, свободно провозил через любые таможни. При мысли о деньгах в шелеховском саквояже Грунт даже облизнулся.

На Шелехова его навели совершенно случайно. Как-то сидел он у Гоши, своего старинного кореша, на фазенде – трехэтажной кирпичной даче в Новых Химках – водочку жрали, а там был бывший Гошин одноклассник Леша Базилевич (с ним Грунт тоже был знаком, хотя и шапочно), который вдруг завел бодягу о том, что Леонид Шелехов, председатель партии «Союз», сидит на довольствии, у директоров крупных предприятий оборонной промышленности. Вроде как его даже «генералы российской оборонки» и двигают в Кремль, чтобы – чем черт не шутит! – в случае его победы на выборах обеспечить себе широкие финансовые коридоры и пробить окно на Запад и, главное, на Восток – в Юго-Восточную Азию. А знал об этом Леша Базилевич потому, что крутил он баранку служебной тачки одного из функционеров «Союза», и пока возил шефа по Москве и ближнему Подмосковию, всю трепотню с заднего сиденья мотал себе на ус. Но Грунта подробности оружейного экспорта-импорта

мало заботили. Главное, что он усек из всего базара Леши Базилевича, так это то, что Шелехов был то ли последний муadak, то ли самонадеянный нахал – словом, ходил слушок, что он возил с собой нехилую наличность и в поездках его сопровождает только один телохранитель, он же его пресс-секретарь, бывший сотрудник «девятки» – Девятого управления охраны КГБ СССР. Грунт сначала не очень поверил и решил поглядеть на Шелехова своими собственными глазами. Он даже, как-то пару месяцев назад узнав по газетам, что председатель «Союза» собирается выступать на каком-то сборище в московском Дворце молодежи, не поленился отправиться туда потусоваться и, так сказать, поближе познакомиться со своим возможным клиентом.

Опытному налетчику минуты хватило, чтобы метров с двадцати как следует рассмотреть Шелехова: невысокий, плотный, хорошо одетый, с пухлым кожаным саквояжем, который он не выпускал из рук. За ним тенью двигался двухметровый амбал с непроницаемо серьезным лицом. Наверное, это и был «пресс-секретарь».

«Интересно, что же лежит в этом саквояжике?» – подумал тогда Грунт, и ему в башку сразу запала мыслишка: точно, в такой сумчонке можно немалые бабки перевозить.

Мыслишка оформилась в определенное намерение после того звонка два месяца назад. Тот звонок Грунт хорошо запомнил, хотя разговор оказался коротким.

Он ехал в казино «Золотой терем» развлечься – сыграть

на рулетке да снять грудастую девку на ночь. Причем ночь можно было провести как раз в самом «Тереме» – у них там на втором этаже были номера для своих. Грунт там у них давно уже освоился. Словом, ехал он в тачке по Садовому – как вдруг запиликал сотовый. Он врубил громкую связь, благо в тачке ехал один и скрывать разговор ему было не от кого, и услышал знакомый голос. Это был Коля, с которым Грунт познакомился два года назад при очень неприятных обстоятельствах – в Бутырской тюрьме. Коля был молодой мужик, держался приветливо, но властно: сразу было件件, что Коля этот носит тяжелые погоны, хотя во время их беседы он приперся в штатском. Коля не стал ходить вокруг да около и сразу взял быка за рога, предложив Грунту «посотрудничать» и вместе «порешать дела». Не дав Грунту опомниться, он тотчас перечислил ему будущие выгоды от этого сотрудничества – во-первых, безусловное освобождение из СИЗО; во-вторых, полную защиту в будущем при возможных конфликтах с правоохранителями (при условии, понятно, что Грунт сам будет вести себя по-умному и не наделает какой-нибудь херовины), а в-третьих, некоторое денежное довольствие после выполнения определенных деликатных заданий. Дав Грунту два дня на размышление, Коля ушел, а ровно через два дня Грунта вызвали к начальнику СИЗО и, ни слова не говоря, отдали изъятые при поступлении вещи и выпустили на свежий воздух.

Грунт сигнал понял. И не ошибся. Через пару дней ему на

«Нокию» позвонил Коля (Грунт не стал терять времени на расспросы, откуда тот знает номер его «сотейника») и предложил встретиться в кафе «Парус» в парке у метро «Речной вокзал»... Ну и «дружба» завертелась.

И вот через два месяца Коля вдруг позвонил – причем после примерно полугодового молчания, так что Грунт даже уже решил, что сотрудничество закончилось, – и очень серьезным тоном предложил немедленно встретиться – и адресок дал старый: кафешка «Парус» на Речном вокзале. Грунт сразу туда и рванул. Место было знакомое – он там с Колей уже не раз и не два встречался. За десять минут домчался до «Паруса». Коля уже ждал его и, отведя в самый темный угол, сообщил... нет, даже можно сказать, проинструктировал Грунта, что, мол, есть такой нехороший человек в политике Леонид Шелехов, который недавно перебежал кое-кому дорогу, и надо бы его окоротить... Есть сведения, что Шелехов тайно перевозит из-за границы валюту. Прямо в ручной клади. «Ты меня, я надеюсь, правильно понял, – вкрадчиво повторил Коля, – его надо окоротить!»

Грунт чуть не подпрыгнул на стуле. Вот это везуха! Мало того что он сам себе наметил Шелехова как мишень для наезда, так еще всемогущий Коля, его таинственный благодетель из «органов», дает ему зеленый свет! Ну это ж надо – такое бывает только раз в жизни!

«Понял, Коля, чего ж тут не понять! Все будет сделано в лучшем виде!» – пролаял Грунт. Он выбежал на улицу к

своему «форду» как на крыльях. Он так разволновался после этого разговора, что даже сразу передумал ехать в казино. С визгом развернул «форд», вырвался на фестивальную, вырулил на Ленинградку и понесся прочь от Москвы в Новые Химки. Ему надо было срочно повидать Гошу.

После того разговора в кафе «Парус» Грунт, что называется, плотно взял след Шелехова. Он начал каждый вечер смотреть новости по всем телевизионным каналам. Его интересовало только одно – личность Леонида Васильевича Шелехова.

Параллельно он задействовал все свои знакомства и связи в криминальном мире Москвы. Грунт по крупицам собирал информацию о Шелехове и недели через три составил его примерный психологический портрет. Главное, что он усвоил: Шелехов часто бывал за бугром и, возможно, возил оттуда «зеленый нал» в крупных размерах. Десятками, сотнями «тонн», а может, и «лимонами». То есть, конечно, точно этого Грунт наверняка знать не мог – он же не рылся у Шелехова в его знаменитом саквояже, с которым тот не расставался нигде! Грунту пару раз удалось проследить за Шелеховым в Шереметьево – сначала, когда тот улетал в Германию, а потом – когда оттуда возвращался. Так вот улетал и прилетал Шелехов с этим самым коричневым саквояжем – причем улетал с явно пустым, а возвращался с явно набитым. В международном аэропорту Шелехов обслуживался через VIP-зал, то есть, по-старому говоря, депутатский

зал, где большие российские чиновники с синими паспортами пересекали границу без таможенного досмотра. Понятно, что через депутатский зал Шелехов и проносил привезенную из-за бугра «зелень». Вот тогда-то, когда Грунт увидал прилетевшего из Мюнхена Шелехова с туго набитым саквояжем, у которого боковые швы чуть не лопались от содержимого – и Грунт уже не сомневался в том, что там лежало, – вот тогда-то и родилась у него шальная мысль ломануть этого хорошо одетого лоха. Шелехов всегда выезжал из Шереметьева в черной «ауди» с мигалкой, причем без машины сопровождения. И окна у этой «ауди» не были затемнены.

Итак, черная тачка, в которой сидят трое: сам клиент с саквояжем «зеленых», шофер и телохранитель-амбал. И все. Когда «ауди» окажется на шоссе – скажем, за пять километров до Химок, а еще лучше – на длинном перегоне между аэропортом и Ленинградским шоссе, – можно его брать голыми руками. Желательно, конечно, чтобы трасса в этот момент была пустынна. И еще более желательно, чтобы время было позднее.

Подготовка у Грунта заняла почти месяц. Подручные средства искать долго не пришлось. Он решил воспользоваться давно приобретенным израильским автоматом «узи», на который требовалось навинтить оптический прицел – ведь стрелять придется примерно со ста метров. А учитывая, что налет лучше провести в сумерках, если не ночью, то надо приладить не просто оптический, а инфракрасный

ночной прицел.

После этого Грунту осталось выбрать огневой рубеж. Он поехал в Шереметьево рейсовым автобусом, сошел у какого-то то ли совхоза, то ли комбината, не доезжая до аэропорта, и сразу понял: попал в точку. По обеим сторонам от узкой асфальтовой полосы, тянущейся от Ленинградского шоссе, простирался огромный луг. Справа луг упирался в лес, слева – убегал к летному полю вдалеке. Причем как раз рядом с автобусной остановкой был возведен каркас надземного перехода – строительство шло, по всему видно, неторопливо, и строители успели установить только бетонные опоры будущего перехода да лестницу-временку. Строительная площадка была заставлена штабелями бетонных плит и обнесена хлипким деревянным заборчиком. В общем, идеальное место для надежной засады. Грунт походил вокруг бетонных плит, нашел укромное местечко за забором, присел и бросил взгляд на дорогу. Там как раз промчалась одинокая «Волга» в направлении аэропорта. Грунт мысленно прицелился в боковое окно «Волги». Пук-пук-пук! Выпущенная из автомата длинная очередь прошьет крупным швом стекла, и теплый плюшевый салон будет весь залеплен кровавыми харкотинами... Он хохотнул. Ну примерно так и будет...

Грунт снова посмотрел на часы. Прошло сорок минут. Он вынул из-за пазухи «сотейник» и нажал семь кнопок. Грунт звонил Митьке Логинову, которому поручил сидеть в зале прилета и следить за сообщениями о времени прибытия рей-

са «Аэрофлота» из Афин. Этим рейсом и прилетал сегодня вечером Шелехов. Грунт не знал, что в этот раз депутат должен был приволоочь из Греции восемьсот тысяч баксов, которые полгода назад перевели из матушки-России за какие-то тайные поставки танков на Ближний Восток, а там, пройдя долгим кружным путем через банковские счета трех или четырех подставных фирм, деньги были обналичены и вот теперь в шелеховском кожаном саквояже возвращались домой, чтобы многими тысячами ручейков растечься по российским городам и осесть в карманах нужных людей, обеспечивавших политическую кампанию президентского кандидата. Но Грунт был почти уверен, что найдет что-то очень интересное в дипломате у своей жертвы, и его интересовало только одно: как прилепить это что-то к своей лапе.

В «Нокии» раздался срывающийся слабый голос Митьки. Вот блин, между ними расстояние было не больше километра, а слышимость – как у негра в жопе!

– Митек! – рявкнул Грунт. – Ты что, в сортире сидишь, что ли?

– Не-а, – отозвался Митька. – Я в зале прилета, у главного табло.

Грунт усмехнулся: трусит Митек, даже шуток не понимает.

– Ладно, – примирительно заметил он. – Как там ситуевина? Что сообщают – когда расчетное время прибытия?

– По расписанию, – все таким же слабым голосом отра-

портовал Митька. — Ожидается в двадцать пятнадцать.

— Как только объявят прибытие, сразу мне звони! — напомнил Грунт. — И потом можешь отваливать восвояси.

— Понял! — уже громче произнес Митька с облегчением в голосе.

«Все ясно, — подумал Грунт. — Только и думает, как бы поскорее смыться».

Митька ничего не знал о том, какую роль он выполнял в предстоящей операции. Да и о самой операции — ни сном ни духом. Грунт не стал посвящать его в свой план — специально. Если что пойдет не так, как нужно, не так, как он планирует, и Митьку вдруг повяжут — тот ничего не сможет рассказать ментам, потому что сам не с курсе. Ну, попросил его приятель по мобильнику сообщить о прилете какого-то самолета из Греции. Ну и все. А зачем — хрен его знает...

Не знал Митька и о том, что не он один был задействован сегодня в операции слежения. У Грунта был еще один связной — надежный человек, которого он никогда не видел в лицо. Потому что они общались исключительно по сотовой связи — номер телефона дал ему Коля как раз неделю назад, когда Грунт позвонил ему, как договаривались, и вкратце рассказал о своем плане перехвата Шелехова по дороге из Шереметьево. Коля похвалил его и вот тогда-то предложил ему для страховки в помощь своего человека, который работал то ли в обслуживании, то ли в охране депутатского зала аэропорта Шереметьево. "Ну, блин, все у них схвачено!

– подумал тогда Грунт – Контора работает..."

Как звали связного – этого он не ведал. Связному было поручено позвонить Грунту в тот момент, когда Шелехов получит свой паспорт и выйдет из зала.

Шелехова досматривать сегодня не будут... Грунт перевел взгляд на дорогу. Движение на этом отрезке трассы было спокойным. Днем тут проходила в среднем одна машина в две минуты. Автобусы – раз в десять-пятнадцать минут. А сейчас, к вечеру, транспорта стало совсем мало.

Глава 5

Внизу показались убегающие к горизонту два длинных ряда синих огней, ограничивающих взлетно-посадочную полосу. Голубоглазая стюардесса ходила по широкому ряду салона первого класса и собирала пустые пластиковые рюмки.

Шелехов с улыбкой отдал ей пустую флажку из-под виски «Лонг-Джон». Потом встал и, набросив пиджак, кивнул Игорю Пахоменко: мол, пора, вынимай. Тот, перехватив взгляд шефа, с готовностью полез под широкое кожаное кресло и осторожно вытащил туго набитый кожаный саквояж «Самсонайт».

– Пока поддержи у себя, – негромко сказал Шелехов, – как выйдем из самолета, я у тебя заберу.

– Мы немного раньше времени прибываем, – заметил Игорь. – Петрович не опоздает? Шелехов помотал головой.

– Вряд ли. Петрович наверняка уже там стоит. Хотя... Надо бы проверить!

– С этими словами он снял трубку вмонтированного в кресло телефона и, нажав" несколько кнопок, поднес его к уху. – Петрович! – громко произнес он. – Мы на подлете. А ты где? Та-ак-Ну молодец. Жди. Минут через пятнадцать будем... Он убрал телефон в карман и пристально поглядел на саквояж.

– Ну вот что, Игорь. Я в зал его сам пронесу, а ты возьми

мой чемодан.

Надеюсь, на этот раз все обойдется.

Игорь Пахоменко, уже полгода как работавший в Шелехова личным охранником, до сих пор не привык к тому, как его шеф лихо провозит через российскую границу крупные суммы валюты. У Шелехова был дипломатический паспорт какой-то хитрой серии, позволявший его обладателю миновать таможенные службы всех международных аэропортов и вокзалов России. Впрочем, при нынешней частой смене таможенных начальников этот паспорт все равно не давал стопроцентной гарантии на свободный проход без досмотра: каждый новый руководитель Государственного таможенного комитета, желая проявить рвение и усердие, считал своим долгом засечь на границе какого-нибудь важного нарушителя – будь то министр или член Государственной думы. Игорь пользовался доверием Шелехова и, сопровождая его во всех зарубежных поездках, всегда знал, что лежит в кожаном «Самсонайте». Поэтому он и волновался: ну ладно, в прошлые разы как-то получалось, но вдруг именно сегодня все сорвется – и шефу устроят контрольный шмон... Тогда никакие диппаспорта, никакие госдумовские ксивы не помогут. Шутка ли – восемьсот тысяч баксов налом без документов...

Они пробыли в Греции всего ничего – три дня, только и успели что смотаться на пляж разок да проехаться по меховым фабрикам – Леониду Васильевичу надо было присмотр-

реть шубу для своей московской секретарши Лелечки. Игорю это было странно: Лелечку он видел раза три – чего в ней нашел шеф, непонятно. Ну ноги от шеи, ну глазищи как два озера Байкал, ну сиськи тугими Дыньками, но ведь дура непролазная – так, Маня из Бобруйска. Про таких говорят: ты рот держи в рабочем состоянии, но только молча! Потом, после меховых фабрик, они отправились в Афины, и там, в роскошном небоскребе из зеркального стекла, Леонид Васильевич встретился с какими-то хмырями – именно ради этой встречи, как понял Игорь, и была устроена их краткая поездка в Грецию. Хмыри отлично говорили по-русски и явно были не греки, хотя и чернявые – может быть, кавказцы. После разговора с ними Леонид Васильевич получил этот туго набитый саквояж. Игорь как всегда ничего не спрашивал – не положено. Но он же не дурак!

Тут все ясно как божий день. Леонид Васильевич собирался в будущем году баллотироваться в президенты. И этот саквояж – как и те так же плотно набитые сумки и портфели, которые он привозил в Москву из Люксембурга, Испании и Туниса, – таил в себе «избирательный фонд» Шелехова. Единственное, чего не знал Игорь, чьи это деньги и как они попадают в руки Шелехова. Но и этого ему было не положено знать.

Леонид Васильевич развалился в кресле и уставился в иллюминатор. Внизу под ним стремительно улетало прочь море леса. В сгущающихся сумерках уже завиднелись жилые

массивы, тонкие ленточки дорог и мчащиеся по ним редкие автомобили с зажженными фарами. Он машинально потрогал тугой кожаный бок саквояжа. Ашот сказал, что через две-три недели будет еще миллиона полтора. Но в целях безопасности за ними лучше будет приехать в Италию, а не в Грецию: могут засечь. Что ж, это удобно: как раз в конце будущего месяца Шелехов собирался вместе с думской делегацией отправиться в Рим по приглашению какой-то парламентской комиссии – вот тогда-то и можно будет вывезти эти деньги. Это тем более удачно, что думскую делегацию в Шереметьево вряд ли будут подвергать контрольному досмотру – это не принято, хотя любой таможенник знает: члены представительных государственных делегаций всегда провозят через границу недозволенные вещи. Взять хотя бы тот инцидент с замминистра финансов... Но сегодня могло произойти, всякое. Он приготовился к любому развитию событий, у него даже была на всякий случай заготовлена одна бумага, подписанная очень большим человеком из Кремля – слишком большим, чтобы шереметьевские таможенники, обнаружив у депутата Шелехова значительную сумму долларов, осмелились ослушаться строгой формулировки: «... в государственных интересах... провозит валютные денежные средства, предназначенные для специального финансирования... в виде исключения без официально оформленных... пропустить без досмотра...» Так когда-то в соответствии с секретными постановлениями Политбюро ЦК КПСС

сотрудники первого главка КГБ вывозили из страны валюту для «специального финансирования» – а фактически на текущие нужды «братских партий». Времена сильно изменились, и давно уже нет ни первого главка КГБ, ни Политбюро ЦК КПСС, но система-то работает. Даже люди остались на своих местах – вон этот армянин Ашот: как работал в Греции при Андропове, так до сих пор и сидит – только «крыша» у него теперь другая, он теперь не спецкор «Правды», а греческий бизнесмен. Шелехов усмехнулся. Одно только неясно с этим Ашотом: откуда он берет все эти деньги, эти миллионы – ведь он вынимает их из тумбочки регулярно.

Самолет с мягким толчком приземлился и помчался по бетонной полосе. В иллюминаторе замаячил далекий темный прямоугольник аэровокзала.

Что Шелехов знал наверняка – так это то, что средства, которые поступают в его «черную кассу», изначально имеют «оружейное» происхождение. Как-то пару лет назад он познакомился с людьми из Росвооружения, они сведи его с директорами крупнейших оборонных предприятий Сибири и Урала, а те в свою очередь представили его другим людям – уже опять в Москве, к нему и веревочка потянулась. А полгода назад он встретился с Владиславом Игнатовым – руководителем нового и очень успешно развивающегося концерна «Госснабвооружение». Об Игнатове, правда, ходили какие-то темные слухи: что он чуть ли не закоренелый зек и коронованный вор в законе, да только Шелехову было на

это наплевать. Он несколько раз встречался с Игнатовым и убедился, что этот молодой – ему и сорока еще не было – бизнесмен не только отлично разбирается в своем деле, но, пожалуй что, и неплохо представляет, как функционирует вся экономическая и финансовая система страны: у него было, как теперь модно говорить, макроэкономическое мышление. Игнатов познакомил депутата со своей программой реформирования системы экспорта российского вооружения, и Шелехов был настолько поражен его свежими и смелыми идеями, что даже пообещал поддержку «Лоббировать будете меня в Думе?» – засмеялся тогда Игнатов. «Буду», – честно признался Шелехов. «Ну что ж, – сказал Игнатов, – тогда получится как в русской народной сказке – и я вам как-нибудь пригожусь». А еще через три месяца. у них состоялся очередной разговор, когда Игнатов на полном серьезе предложил Шелехову финансовую помощь. Конечно, тогда еще и речи не было о новых президентских выборах – все, напротив, думали, что кремлевский «Дед» не мытьем так катаньем продлит себе полномочия и останется президентом еще лет этак на пять. Но выборы все равно были запланированы, и Игнатов прямо предложил Шелехову баллотироваться в президенты. Вот тогда и выяснилось, что у руководителя «Госснабвооружения» есть немалые ресурсы в регионах – и политические, и информационные. Игнатов поведал ему о финансовых средствах, которыми можно было воспользоваться в избирательной кампании, – это были деньги, выве-

денные из России на оффшорные счета и затем возвращаемые – но уже в виде наличности – обратно в Россию. «Значит, все врут наши журналисты, что капитал бежит из России?» – пошутил тогда Шелехов. На что Игнатов серьезно ответил: «Эти журналисты либо не в курсе, либо, наоборот, вполне в курсе – и в любом случае, конечно, врут! Из России выводятся очень большие деньги – миллиард долларов в неделю, но вовсе не для того, чтобы припрятать их где-то на Карибах. Это все чушь. Деньги должны работать. Умные люди выводят из России валюту, чтобы потом ее сюда же вернуть и использовать по назначению».

«Например, для незаконного финансирования избирательных кампаний?» – съязвил Шелехов. «Например, для этого», – не моргнув глазом согласился Игнатов.

Шелехова тогда так и подмывало спросить – потому что их разговор с глазу на глаз в особняке «Госснабвооружения» получился очень доверительным – насчет всех этих сплетен о том, что Игнатов якобы крупный криминальный авторитет и вор в законе... Но не успел.

«Ничего, – подумал Леонид Васильевич, – завтра мы с ним встретимся, и я обязательно спрошу». Подхватив тяжелый саквояж и кивнув на прощанье голубоглазой стюардессе, он вышел из салона. Уже идя по пологому проходу-"кишке", соединявшей самолет и здание аэровокзала, он подумал: "А в конце концов, какая мне разница! Вор он в законе или не вор... Главное понять, зачем я ему нужен. Хотя что же

тут непонятного. Владислав Геннадьевич действует в строгом соответствии с давно принятыми в России и никем не отмененными законами – и в этом смысле он действительно был «законным». Шелехов даже рассмеялся удачному каламбуру. В этом смысле все мы «законные». Услуга за услугу. Бескорыстных услуг не бывает. За услуги полагается аппетитная премия – в виде ли министерского портфеля или депутатской ксивы. Игнатову депутатство не нужно, и министром он быть не захочет. Он весьма прозрачно намекнул, что его интересует прежде всего бизнес и только бизнес. Значит, сделал вывод Шелехов, он ожидает режима наибольшего благоприятствования для своего бизнеса. Ну что ж, это вполне законная награда...

Осталась самая малость победить на президентских выборах.

Начало смеркаться, и Грунту это было на руку. Он лежал в своей засаде и в двадцатый, может быть, раз мысленно прокручивал свои действия... Лишь бы не было машин... Лишь бы не было машин, молил он.

Вдруг спрятанный во внутреннем кармане куртки мобильный телефон пропиликал легкомысленную мелодию. Грунт от неожиданности даже вздрогнул и взглянул на часы. Четверть девятого. Что-то рановато. Он вытащил мобильник и прижал его к уху.

– Слушаю! – негромко буркнул он. – Приземлился! – взволнованным громким голосом доложил Митька.

– Че так рано? – недовольно поинтересовался Грунт.

– Не знаю. Не сказали. Только объявили, что произвел посадку. – Голос у Митьки дрожал.

– Ладно, парень, вали! Поезжай на автобусе до Речного вокзала. Мне не звони – если понадобится, я тебя сам найду.

И, не дожидаясь Митькиного отзыва. Грунт вырубил «Нокию». Теперь он ждал еще одного звонка. И минут через пятнадцать «сотейник» завякал. Это был связной из депутатского зала. Он только и сказал: «Клиент пошел. С ним один сопровождающий. Саквояж при нем», – и вырубился.

Грунт убрал телефон и нащупал в лежащей рядом. с ним холщовой сумке холодный металл автомата. Длинный цилиндр глушителя уже был навернут на ствол, оставалось только приладить оптику. Грунт порылся в сумке и вытащил инфракрасный прицел. Привинтив над стволом массивную насадку, он прильнул глазом к окуляру. В сгустившихся сумерках Грунт отчетливо разглядел отдельно стоящую березу на лужайке впереди, метрах в двухстах от шоссе. Ну, разглядел березку, разглядит и людей в «ауди». Черная «ауди» с синей мигалкой, госномер 008. Он направил трубку прицела в сторону аэропорта. Вдалеке виднелась пересекающая шоссе эстакада. Где-то через полчаса оттуда, из-под эстакады, вырвется черная машина с важным пассажиром.

Машина показалась через двадцать восемь минут. Грунт нахмурился и крепко сжал холодный металл левой рукой, а

правой впился в рукоятку, положив указательный палец на спусковой крючок. Машина приближалась очень быстро.

Пожалуй, шла не меньше ста в час. И в самую последнюю минуту Грунт принял решение стрелять не по боковому, а по лобовому стеклу: он побоялся, что «ауди» стрелой промчится мимо его засады и пули только чиркнут по касательной. Он навел трубу прицела на лобовое стекло и, точно в волшебном фонаре, вдруг увидел в призрачном зеленоватом сиянии внутренность салона и три мужские головы. Две поближе – это были водитель и сопровождающий, и одна голова поглубже – человека, сидевшего на заднем сиденье. Голова господина Шелехова. В самый последний момент, когда он уже нажал на спусковой крючок автомата, Грунт подумал: «А вдруг телохранитель и Шелехов поменялись местами?» Но думать было уже поздно.

Автомат свирепо закашлял, нервно забился в руках, точно потревоженное животное. И в трубу прицела Грунт увидел, как лобовое стекло «ауди» враз покрылось плотной паутиной трещин и рытвинками пулевых отверстий. «Ауди» резко завалилась к обочине и на полной скорости врезалась в бетонное ограждение строительной площадки. Капот сплюснулся в гармошку. Грунт вскочил и бросился со всех ног к машине, осматриваясь на бегу.

Вокруг не было ни души. В плотной вечерней мгле только сияли далекие оранжевые фонари Ленинградки.

Этот участок дороги не освещался. Грунт подбежал к ма-

шине и рванул заднюю правую дверцу. Шелехов лежал на сиденье, откинув голову назад. Он был весь залит кровью. Правая рука судорожно сжимала ручку саквояжа. Двое мужчин на переднем сиденье были также мертвы. Водитель сидел уткнувшись лицом в руль, его сосед – здоровенный широкоплечий бугай – сполз набок и завалился водителю на плечо.

Грунт с силой вырвал ручку саквояжа из мертвых пальцев Шелехова и припустил со всех ног к припаркованному впереди серому «жигулю».

Дверца была не заперта. Грунт сел за руль и первым делом раскрыл саквояж. Сверху лежали какие-то иностранные газеты. Он разворошил газеты и сразу увидел туго перетянутые пленкой пачки долларов. Сотенных. С замирающим от восторга сердцем Грунт запустил руку поглубже. Пачки лежали плотными штабелями.

Там их было штук сто, а может, и больше. Если сотенные баксы уложены в стандартные пачки по сто купюр, значит, в каждой пачке было десять тысяч баксов. А если таких пачек в этом саквояже сто, значит, тут по меньшей мере «лимон» баксов! Он включил зажигание и вырулил на дорогу.

Этот «жигуль» Грунт угнал сегодня утром в Южном Бутово. Ему бы только до Москвы на нем доехать, до Кронштадтского бульвара. Там, у автосервиса, он оставил свой «форд-сиерру». Он бросит уже не нужный ему «жигуль», пересядет в «сиерру» и рванет к себе в Балашиху.

До Кронштадтского бульвара он доехал без приключений. И всю дорогу обнимал правой рукой кожаный саквояж, лежащий рядом с ним на сиденье.

Глава 6

Владислав взял со стола изящный пластиковый пульт и включил кондиционер.

Белая коробка под потолком тихо заурчала и погнала прохладные струи воздуха. В этот момент завершал переговорник. Нажав кнопку и услышав мягкий голос Лены, он невольно улыбнулся:

– Да, Леночка!

– Владислав Геннадьевич! Я хочу напомнить, что у вас сегодня в двенадцать встреча в Таможенном комитете с Крутиковым.

– Спасибо, я помню! Есть еще какие новости?

– Нет, пока никаких, Владислав Геннадьевич! Он отключился.

Молодец какая – на службе называет его по имени-отчеству Лена...

Леночка...

Молоденькая девушка, по сути, заменившая его малолетней дочке Лизе мать.

А ему – кого? Жену? Нет. Прошло еще очень мало времени с того ужасного дня, когда жемчужно-серебристый «мерседес», в котором ехали его верная спутница жизни Светлана и сын Олежка, прямо на его глазах взметнулся вверх в клубы черного дыма и смертельных огненных плевках взрыва.

Чего только не повидал на своем веку Владислав Геннадьевич, через какие только испытания не пришлось ему пройти, но такого горя и такой боли он не испытывал еще никогда. Владислав не понимал, как ему удалось пережить тот самый страшный миг в его жизни. Потом долгими мучительными бессонными ночами он все думал и думал, кляня себя за то, что не смог уберечь самых близких, самых дорогих ему людей, не сумел спасти их, ведь, как ни крути, та бомба предназначалась ему, Владиславу Игнатову, законному вору, смотрящему России, а не безвинным женщине и ребенку... Утрата семьи незаживающей раной преследовала его везде и повсюду. Не напрасно по неписаным воровским законам вору не положено иметь семью. А он в свое время пренебрег этим правилом. И вот теперь расплачивается горькими потерями, разрывающими его сердце. Скольких ему уже пришлось проводить в последний путь!

И своих мудрых учителей, старого Медведя и академика Нестеренко. И верных друзей, с которыми пришлось пройти через тюрьмы и лагеря, а потом через тысячи испытаний в борьбе за влияние в России. Но никогда еще так не страдала душа, как сейчас, после смерти жены и сына. Чуть раньше, когда Владислав потерял любимую женщину Вику, дочку академика Нестеренко, которая, стараясь спасти его, была убита киллерами, преследовавшими его, Варяга, он находил утешение в том, что она оставила ему хотя бы дочь. Но после утраты Светы с Олежкой он ощутил страшное одино-

чество и пустоту. Его сердце, наверное, навсегда закаменело, если бы не дочь Лиза. И Лена, тихая, спокойная девушка, работавшая приходящей няней для Лизы. Лена так естественно вошла в его сердце, что он уже и не мыслил своей жизни без нее. Дни были заполнены работой. И лишь ночные воспоминания о страшной гибели близких доставляли ему острые душевные страдания. Порой они становились невыносимы. Но все же это было уже прошлое, которое не вернуть. Это прошлое все глубже проваливалось в пучину памяти. Тот жуткий день все плотнее окутывала пелена забвения. А жизнь брала свое. И все рельефнее вырисовывалась в его сознании Лена.

Она стала ему особенно близка в последние три недели, когда он посадил ее у себя в приемной. И не пожалел. Лена оказалась на редкость толковой и хваткой. Он даже иногда невольно сравнивал ее со Светланой – Света была совсем другая. Добрая, терпеливая, заботливая мать, хорошая хозяйка, верная жена, друг. Но совсем не «бизнесвумен», у нее напрочь отсутствовали деловая жилка, та острота интеллекта, тот смелый полет фантазии и, как говорится, чувство предвидения, без которого невозможно делать бизнес – ни малый, ни тем более большой. А вот у Лены эта бизнес-хватка явно присутствовала. Владислав вспомнил, как она совсем недавно, подготовив ему сводку о последних продажах «Госснабвооружения» на иорданском военно-техническом салоне, вдруг посоветовала... нет, не посоветовала, а

как бы поразмыслила вслух, не решаясь напрямую посоветовать... немного переделать контракт с господином Ахмедом Сайхой, крупным саудовским оружейником. И он, подумав, сразу согласился, подивившись про себя, как это Лена, не имея никакого экономического образования и коммерческого опыта, сразу углядела то, что ускользнуло от внимательного взгляда его многоопытных экономистов-консультантов. Вот тогда-то Владиславу и пришла в голову мысль взять ее к себе в «контору», посадить секретаршей – чтобы через ее руки проходила вся документация. Разумеется, прежде чем принять такое решение, он поручил отставному полковнику, своему верному «оруженосцу» Николаю Валерьяновичу Чижевскому, начальнику службы безопасности, проверить ее подноготную. Так, на всякий случай. Береженого бог бережет. После гибели жены и сына он уже никому не мог доверять безоговорочно. Николай Валерьянович быстро навел справки и доложил, что ничего подозрительного за девушкой не числится.

Москвичка, родители умерли естественной смертью, образование незаконченное высшее (бросила пединститут), сомнительных знакомств нет. Ну и самое главное – она была единственной племянницей Вали, многолетней домоправительницы Егора Сергеевича Нестеренко, что само по себе было ее лучшей характеристикой: Егор Сергеевич не подпускал к себе случайных людей.

Зазвонил телефон – его прямой, номер, о существовании

которого знали только самые близкие люди. Что-то стрельнуло в мозгу – не к добру! Владислав снял трубку.

– Здорово, Варяг! – раздался глуховатый скрипучий голос Максима Шубина, известного в воровских кругах под кличкой Кайзер.

– Здравствуй, Максим! Чем обязан?

– Да вот решил справиться о твоём здоровье, – как-то фальшиво и с вызовом выдавил Шубин.

– Заботливый ты нынче стал, Кайзер, как я посмотрю, – в тон ему ответил Владислав.

– Работа такая, Варяг. Сам знаешь, о людях вовремя не позаботишься, глядишь – уже похоронили. Только убиваться приходится да каяться...

Варяга неприятно кольнули слова Шубина, и он резко оборвал его на полуслове:

– Знаешь что, Кайзер, я сейчас занят, давай перейдем к делу.

На другом конце провода послышалось раздраженное покашливание, и неприятный скрипучий голос Макса, цедя слова сквозь зубы, сообщил, что люди передают привет Варягу и желают видеть на большом сходе в будущую пятницу.

Кайзер замолчал, дожидаясь реакции. Варяг до боли сжал челюсти. Максим Кайзер не просто связник у воров – он сам крупный авторитет. И коли его уполномочили сообщить Варягу о необходимости срочно собрать большой сходняк, то, выходит, разговор предстоит очень серьезный. Но куда более

серьезным показалось Варягу то, что Кайзер изложил свою мысль в ультимативном тоне, так, как будто бы не Варяг был смотрящим России, а кто-то другой, вызывавший Варяга на толковище под видом большого схода. Очень это не понравилось Варягу, но, не подавая вида, держа себя в руках, Владислав переспросил:

– Правильно ли я понял тебя. Кайзер, люди хотят, чтобы я организовал большой сход?

Шубин слегка помедлил и, снова прокашлявшись, проскрипел в трубку:

– Ну можно и так сказать. Но народ на пятницу настаивает, Варяг. Учти...

– Я тебя понял, Кайзер. Передай: я буду.

– Пе-ре-дам! О-бя-за-тель-но пе-ре-дам! – отрывисто бросил, точно пролаял. Кайзер. – Только, Варяг, народ рассчитывает на то, что встреча состоится без лишних... Чтоб не как в тот раз – когда приводил своих людей. С пушками, – уточнил невесело Макс Шубин. – Это ж как-никак большой сходняк, а не заседание Госдумы, и скандалы нам ни к чему.

– Не бойсь. Кайзер, – криво усмехнулся Варяг, – вот уж скандала я не допущу. Будь уверен. Я ведь не спикер Селезнев. – И, не став дальше слушать Шубина, бросил трубку.

Итак, его вызвали на большой сходняк... Варяг мысленно перенесся на несколько недель назад, в подмосковный ресторан с тяжелой входной дверью под медным кованым навесом. Плохо кончился тот неприятный разговор с ворами –

очень плохо. А ситуация была явно спровоцирована. Владислав вспомнил, как его телохранители были вынуждены применить силу. Слава богу, что до стрельбы дело не дошло. И еще он вспомнил, как из-за уже захлопнувшейся за ним двери, из банкетного зала, до его слуха донесся хриплый вопль Толяна, старого вора, которого последние годы чаще называли Дядей Толей: «Это война, Ва-ряг!»

Война... Только этого не хватало! Начато было столько дел. Машина бизнеса только-только начала раскручиваться. Неужели опять придется заниматься разборками? Варяг всю жизнь сходилась в кровавых и смертельно опасных разборках со своими коварными недоброжелателями, которых жадность и непомерное честолюбие делали его заклятыми врагами. Варягу приходилось их беспощадно наказывать. Он терпеть не мог отморозков, на которых никакие слова не имели воздействия. С беспредельщиками Варяг расправлялся безжалостно, воровской закон был жесток – убивать приходилось и самому, но чаще руками верных людей. Но то были и в самом деле враги – люди, которым нельзя было доверять, которые готовы были предать и продать его за бесценок, которые норовили уничтожить его как опасного и сильного конкурента по влиянию на воровской мир, на бизнес, в котором крутились деньги воровского общака. То были напроць чужие ему итальянские мафиози в задрипанной Америке, наши коррумпированные правительственные чинуши, крупные ментовские начальники, всякая рвущаяся к власти

политическая шушера. И еще, конечно, продажные ссучившиеся воры, среди которых попадались даже законные, которым грех был носить корону воровской чести. Он уничтожал их без колебаний, без всякого трепета душевного, зная, что этой падали, этой мрази вонючей нет места на земле. Но никогда еще ему не приходилось вступать в схватку с теми, кого он считал людьми вполне приличными, кого сам в свое время вводил в большой воровской мир, а потом рекомендовал большому сходу. Никогда еще воры, которых он знал не первый год и которые его совсем еще недавно искренне уважали и беспрекословно подчинялись его авторитету, завоеванному делами, а не купленному за бабки, – никогда еще воры не предъявляли ему сколь-нибудь серьезных претензий. "Еще немного, – подумал невесело Варяг, – и они меня поставят на счетчик, как какого-нибудь толстопузого лоха-коммерсанта из «Петровского пассажа».

И все–таки, что же произошло? Почему все так внезапно повернулись против? Варяг не верил, не хотел, не мог поверить, что все это вышло как бы само собой. Чтобы авторитетные воры и впрямь так уж сильно недовольствовались тем, как у него идут дела в нефтяном, алюминиевом и, главное, в оружейном бизнесе. Чтобы они ух так противились тому, что он проталкивает своего человека на самый верх политической пирамиды России. Не может быть, чтобы причиной была неудача с «Балторгфлотом». Тем более что дело там еще далеко не закончилось, и теперь, когда в северной столице

правильно прошли выборы и смотрящим поставлен Филат, толковый, преданный человек, все еще можно переиграть в их пользу...

Нет, что— то тут недоговорено, думал Варяг, машинально перебирая бумаги на своем рабочем столе. Тут чувствуется чья-то посторонняя рука, чье-то закулисное давление, чей-то иезуитский замысел — вот только что это за люди и в чем состоит их лукавый план, этого Варяг пока понять не мог. Впрочем, одно он понимал очень хорошо. Не случайно, ох не случайно Закир Большой на том сходняке упомянул про общак. Да какое там упомянул — почти напрямую потребовал отчета.

Потом намекнул на то, что не пора ли уважаемым людям поблагодарить Варяга за проделанную работу и передать контроль над общаком в другие, не менее надежные руки. При этом Закир Большой явно выражал не только свое личное мнение, но, как он сказал, мнение большинства воров. Что же все-таки произошло? И в тишине зала его слова звучали, не находя возражений у собравшихся. Когда и где Варяг потерял бдительность, упустил что-то очень важное, значительное?

Варяг знал Закира давно, лет уже пять, и за все эти годы между ними не то что «кошка не пробежала» — тень не ложилась. Закир был вор уважаемый, гордый, умный и, главное, хладнокровный. К Варягу он относился ровно, и, хоть всегда держался независимо, в разговорах со смотрящим был под-

черкнуто почтителен. И уж если то, что он тогда высказал Варягу, вышло у него из сердца, то, значит, с Закиром произошли странные и необъяснимые метаморфозы. Жесткие слова явно были результатом каких-то серьезных событий, произошедших в последние две-три недели и изменивших взгляды умного и опытного Закира. Варяг понимал, что эти события вряд ли были стечением обстоятельств. Скорее всего здесь имел место чей-то злой умысел, искусно навязанный дагестанскому вору. И это в корне меняло дело.

Варяг вспомнил, как на том сборище воров Сашка Турок прилюдно уличил Закира Большого в тайной торговле черной икрой – Закир тогда в лице переменялся. Скрывать от правильных людей свои барыши дагестанец не привык. Тем более что икра – так, мелочевка. Закир всегда исправно и не скупясь отстегивал от своего подпольного бизнеса в общак – это Варяг знал точно. Но все же Закиру стало тогда не по себе. И он как-то вяло отреагировал на слова Турка. Значит, ему есть что скрывать от воров, не только эти махинации с икрой. Но что еще?

Может быть, нечто такое, в чем благородному вору и впрямь запаadlo признаться братве? Что-то позорное... Но что?

И тут Владислав стал вспоминать о событиях трехмесячной давности. Он вспомнил, как все тот же Сашка Турок шепнул ему, что видел однажды Закира выходящим из дверей здания Речного вокзала. Ну и что, удивился тогда Варяг,

мало ли какие дела у дагестанского авторитета в московском речном пароходстве!

Да в том— то и дело, не унимался Турок, что пароходство находится в другом здании, неподалеку от вокзала, а в самом вокзале никаких кабинетов речных начальников нет.

Только мелкие турфирмы и ресторан. Ну понятное дело — такой кит, как Закир, сам не попрется сшибать дань с турфирмы. Да и в ресторан если он и заходил, то явно не лакомиться жареным сомом. Там у него была деловая встреча — сделал вывод хитроумный Сашка.

Варяг этот разговор запомнил. Сашке Турку он ничего не сказал, поручив своим людям последить за Закиром и рестораном. Чижевский отправил в ресторан «Волга» своих людей. Дело было как раз накануне готовящейся операции по поимке гнусного кровавого отморозка Коляна Радченко, и лучшие силы Чижевского, тройка самых профессиональных бойцов — Абрамов, Лебедев и Усманов, были заняты. В дозор пришлось послать молоденького парнишку, имевшего за свой ершистый характер прозвище Зверек. Зверек топтался возле Речного вокзала три недели, но Закира там не видел. Зато он рассмотрел много чего другого — например, странного хмыря в черной кожаной косухе и в зеркальных очках, который частенько — раз в неделю уж точно — приезжал сюда, к ресторану «Волга», на разбитом «жигульке», а за ним через пять-десять минут неизменно подкатывал какой-нибудь крутейший джип или «мерседес», из которого вывали-

валась пара-тройка здоровенных «быков» с могучими плечищами, кулаками-ядрами – по виду ни дать ни взять мастера греко-римской борьбы. Богатыри исчезали за тяжелой дубовой Дверью ресторана и потом появлялись уже порознь через час-другой.

Эта информация заинтересовала Варяга – он и сам не мог понять почему. И, как старый опытный волчара, он не оставил эту информацию без внимания. «Надо бы поподробнее разузнать, что тут к чему», – подумал он тогда...

И вот теперь он снова вспомнил эту историю с рестораном у Речного и задумался. Что за черт!

На столе противно затрещал телефон. Он машинально потянулся к прямому аппарату, только уже сняв трубку, понял, что это из приемной звонит Лена. Не по переговорнику его вызывает, а звонит...

– Да, Леночка!

– Владик! – Ее голос чуть дрожал. Он сразу напрягся: в офисе Лена никогда не обращалась к нему так запросто: значит, стряслось что-то экстраординарное.

– Ну, говори же! – нетерпеливо поторопил он ее.

– Только что позвонили от Шелехова...

– Ну и?

– Вы... ты понимаешь, его вчера вечером в Шереметьево... убили!

– Как «убили»? – глухо отозвался Варяг и похолодел. – Шелехова убили?

Когда? Где? – И сразу понял, какую чушь он несет: Лена же ясно сказала: «Вчера, в Шереметьево...»

– Его личный шофер встретил в аэропорту и повез в Москву, – заторопилась Лена. – И на перегоне от аэропорта к Ленинградскому шоссе машину расстреляли) в упор. Водитель, телохранитель и сам Леонид Васильевич убиты. И портфель пропал.

* * *

Варяг медленно положил трубку на рычаг. Портфель пропал! Шелехов летал в Грецию, чтобы получить там от друзей деньги – очередной «транш» на избирательную кампанию. Варяг и раньше был недоволен этим слишком сложным, на его взгляд, способом финансирования шелеховской партии, но его партнеры, через которых осуществлялась обналичка, уверяли его, что лучше способа нет. Кто еще, кроме Шелехова, имеющего свободный проход через VIP-зал, без таможенного досмотра сумел бы регулярно провозить из-за границы миллионные суммы! Любого другого курьера давно бы уже ввязали заодно место!

* * *

Варяг вскочил и стал мерить шагами кабинет. Шелехова

убили... Он уже давно не смотрел телевизор, тем более – не слушал радио: лживые продажные «журналюги» раздражали его неимоверно. Наверняка во вчерашних вечерних новостях уже было сообщение.

Убийство Шелехова – тяжелый удар. И прежде всего удар по нему, по Варягу По его далеко идущим планам. Шелехов был ему очень нужен. Влиятельный политик, лидер набирающей рейтинг партии, руководитель думской фракции. Самое главное – человек надежный, умеющий держать слово, это был очень выгодный стратегический партнер. Варяг связывал с ним большие надежды. И теперь, после этого странного убийства, все рушилось – все, с таким трудом и терпением подготовленное им для выборов, пошло прахом.

Варяг с остервенением рубанул воздух рукой и до боли сжал кулаки. Одно за другим, целая вереница несчастий и бед. И тут он снова вспомнил последние слова, сказанные Леной: «пропал портфель». Пропал портфель с деньгами. Там должно быть около миллиона баксов. Из-за них убили Шелехова? Или – из-за него.

Варяга? Из-за политики? Вот вопрос, который требует скорейшего ответа.

Надо срочно что-то предпринимать. Надо вызвать Чижевского – дать ему команду: пусть Николай Валерьяныч по своим каналам начнет копать, не дожидаясь официального расследования – все равно правду не скажут. Пусть выясняет, что на самом деле случилось с Шолоховым и чьи здесь следы.

И тут еще это требование «братвы» собрать большой сход – очень некстати. Действительно: черная полоса.

Он нажал кнопку переговорника:

– Лена! Зайди!

Дверь отворилась – вошла взволнованная побледневшая Лена. Она очень хорошо знала Шелехова, неоднократно связывала Владислава с ним по телефону, по ходу дела выслушивая от депутата утонченные комплименты. И даже в этот момент Варяг отметил, как хороша была его новая помощница в своем строгом костюме: приталенный пиджак и юбка – достаточно короткая, чтобы были видны стройные ноги, но и достаточно длинная, чтобы не выглядеть легкомысленной.

– Лена! – очень серьезно обратился к ней Владислав Геннадьевич. – Срочно разыщи Чижевского. Если он не в курсе... а раз он мне до сих пор не позвонил, значит, не в курсе, – сообщи ему про Шелехова. Пусть он отдаст команду своим бойцам – он знает, что им сказать. И пусть сам срочно приезжает сюда. Второе – свяжись с канцелярией Думы, узнай, когда похороны...

Когда за Леной закрылась дверь, он подошел к окну и надолго задумался.

Дела принимали очень серьезный оборот. Кому-то понадобилось убрать Шелехова!

Вариант первый. Допустим, Шелехова убили из-за денег. Тогда связь тут такая: греки – московские отморозки. Потому что такое дерзкое убийство могли задумать и осуще-

ствить только отморозки, гастролеры. Москва – тихий город, спасибо мэру.

Питер давно уже стал нашим российским Чикаго. Там каждый день стреляют. А в Москве все чинно. Этот покой ценят и уважают. А если кого и надумают убрать, вывозят в Одинцово, Люберцы или Балашиху – там и кончают. Но чтобы сегодня в Шереметьево грохнуть известного человека —, это надо быть или полным мудаком, или очень отчаянным малым. Итак, если есть связка «греки – Москва» то должно быть и соединительное звено – в VIP-зале. Потому что только работники депутатского зала могли засветить частые поездки Шелехова в Грецию и на Кипр, откуда он возил валюту, и могли наметанным глазом заметить, с каким багажом он пересекает границу, и смекнуть, что в этом багаже. Значит, люди из депутатского зала могли вступить в контакт с отморозкам) и навести их на Шелехова.

* * *

Еще вариант – наводчики были среди греков, что ма лоя вероятно. Греки – и Белоянис, и Маркос – надежные ребята, тем более не первый год люди Варяга проворачивают с ними операции по «переводу денег». Они не могли пойти на такую подлянку. Да и выгоды нет: зачем им убивать свой надежный отлаженный бизнес.

Так что надо прежде всего копать в VIP-зале Шереметье-

во.

Второй вариант: Шелехова убили по политическим мотивам за его работу в Думе. Если это так, то почему именно его? В Думе столько других «кандидатов», которые как кость в горле стоят на пути любых дел и начинаний. Но их-то даже никто и не трогает. А уж Шелехов-то вел себя пока, до выборов, очень чинно, не придерешься, не подкопаешься.

Остается третий вариант: Шелехова убили из-за него, из-за Варяга. А значит, за стремление к власти. И тут связка посложнее: он, Варяг, – воры – Шелехов. О его неформальных отношениях с Шолоховым знают очень много людей – и в воровских, и в политических, и в деловых кругах, и в прессе. Они иногда появлялись вместе на дипломатических приемах. В «Московском комсомольце» как-то появилась их фотография с крикливой подписью: «Сладкая парочка – бизнесмен Игнатов с кандидатом в президенты России!» При чем здесь есть два варианта. Если убийство чисто политическое, то есть не связанное с ним лично, тогда ноги растут, может быть, даже из окол Кремлевской тусовки – тамошним мудрецам вполне могло прийти в голову убрать неудобного кандидата. Но если истинной мишенью убийц был он, Варяг, тогда искать надо в воровской среде. Потому что именно воры и могли «заказать» Шелехова, чтобы лишить его, Варяга, важной политической подпорки. Значит, заказчики либо в политическом окружении Шелехова, либо среди воровской верхушки. Чижевскому предстоит гигантская работа. Но за-

дачу можно сильно облегчить, начав копать в воровской среде.

Во всяком случае, уже на предстоящем большом сходе можно будет многое прояснить...

Глава 7

Евгений Николаевич неторопливо снял китель и, любовно погладив погоны с тремя вышитыми звездами, повесил его на плечики. Потом он неторопливо расшнуровал и сбросил в угол ботинки, снял брюки, форменную рубашку и остался в одних трусах в разноцветную полоску и в форменных носках цвета хаки. Генерал Урусов стоял в небольшом, сверкающем новеньким кафелем санузле, примыкающем к его кабинету. Душевая кабинка приветливо манила его хромированным блеском шведского смесителя, но он решил не тратить сейчас время на ненужный ритуал омовения. Он взглянул на часы: половина седьмого. Надо поторопиться. Евгений Николаевич снял с вешалки джинсы и джинсовую, в голубую и красную клетку, рубашку.

В кабинете на рабочем столе зазвонил телефон. Евгений Николаевич машинально бросил одежду на небольшой диванчик и метнулся было к открытой двери, ведущей в кабинет, но сразу вспомнил, что трубку снимет секретарша Даша – быстроглазая, полненькая, очень аппетитная лейтенантша, которую он планировал завалить в койку недели через две – после более обстоятельного знакомства. И в самом деле, на втором звонке трубку сняли. Он предупредил Дашу, чтобы она его ни с кем не соединяла, поэтому можно было продолжать переодевание.

Генерал Урусов въехал в свой новый кабинет на пятом этаже белой коробки офисного здания Министерства внутренних дел на Мытной два месяца назад. Заново покрытый лаком паркетный пол еще блестел, как тщательно отполированный сервант, и в помещении стоял характерный едкий аромат недавнего ремонта. Свою очередную звезду на погоны Урусов, замначальника Главного управления МВД по борьбе с организованной преступностью, получил совсем недавно. — за две недели до переезда в новый кабинет.

До назначения в министерство Евгений Николаевич был заместителем начальника Северокавказского округа внутренних войск МВД. Но после чеченской войны 1994—1996 годов, когда в результате проведения операций по ликвидации бандформирований и зачисток мятежных сел он заработал себе среди единокровцев-чеченцев плохую репутацию, руководство сочло за благо перевести доблестного полковника в Москву — подальше от чеченских стволов и кинжалов. К тому же в министерстве давно оставалось вакантным место заместителя начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью по южной России и Северному Кавказу. До недавней поры это направление работы в министерстве возглавлял старый генерал Калистратов, который год назад при странных, так до конца и не выясненных обстоятельствах погиб в Санкт-Петербурге. Убийство Калистратова было самым позорным «висяком» питерских сыскарей, и московские менты не могли простить им полной

беспомощности в этом деле. По материалам следствия, так и не пришедшего ни к каким выводам, генерала убил неизвестный отморозок-одиночка, тайком проникший в ветхое здание на Васильевском острове, где генерал встречался со своими петербургскими «внештатными» оперативными работниками – попросту говоря, стукачами. Следователи склонялись к выводу, что Калистратова как раз и убил один из его сексотов, но никаких улик найдено не было, на том расследование и «подвесили»...

После перевода в Москву Урусову поручили курировать деятельность кавказских преступных группировок в Москве и европейской части России. И он достойно справлялся с этой задачей. Перво-наперво, пользуясь своими многочисленными связями как на Кавказе, так и в чеченских диаспорах в крупных российских городах, он сколотил группу тайных осведомителей, которые регулярно докладывали ему о состоянии бизнеса, о криминальных разборках и даже о личной жизни крупных воровских авторитетов с Кавказа. Вскоре под колпак к Урусову попали все самые видные деятели так называемой «кавказской мафии», которые контролировали деятельность казино и ресторанов, бензоколонок, нефтеперегонных заводов, строительных организаций, торговых комплексов, рынков, импортно-экспортных фирм и прочее. За три года службы в Москве Урусов получил колоссальный объем информации. Однако он не торопился пускать ее в дело и аккуратно, с дотошностью естествоиспытателя, изу-

чающего повадки какой-нибудь диковинной четырехкрылой мухи, собирал в особую картотеку коллекцию фактов и фактиков, доносов, слухов, сплетен о, допустим, некоем Ашоте Егиазаряне, хозяине кафе «Наири» на Покровке, чтобы потом использовать данные оперативной разработки в нужный момент для нужного дела.

Сегодня Евгений Николаевич был в прескверном настроении. Позавчера вечером под Москвой возле Шереметьево был убит депутат Госдумы Шелехов. И это внезапное убийство сразу нарушило хрупкий баланс сил, который он, генерал-полковник Урусов, тонко выстраивал вот уже больше полугода, тайно взаимодействуя с крупнейшими авторитетами воровского сообщества России. Он действовал, разумеется, не по собственной инициативе – собственная инициатива в том ведомстве, в котором он уже верой и правдой служил без малого двадцать лет, никогда не приветствовалась. Действовать позволялось в рамках той четкой линии, которая разрабатывалась наверху и затем доводилась до начальников главков, а те уж давали соответствующие указания своим подчиненным. Вот и Евгений Николаевич получил инструкции от генерал-полковника Шандыбина – своего непосредственного шефа, как-то душевным июльским вечером за дружескими посиделками на даче в Скворцово под Москвой.

...Петр Петрович Шандыбин приехал к нему на дачу под вечер в мрачном расположении духа. Едва войдя в дом, он сквозь зубы бросил Урусову: «Жена с тобой?» – и, узнав, что

супруга Евгения Николаевича, а также и его сын-семиклассник сегодня уехали в Москву, облегченно вздохнул: «Ну и ладно – не хера им наши разговоры слушать».

Они прошли на просторную кухню, сели за деревянный сосновый стол – этот шведский кухонный гарнитур Евгений Николаевич по случаю приобрел в Нальчике, куда он вылетал два года назад в инспекционную командировку Шандыбин без предисловий выложил ему последние новости. Из «инстанции» (то бишь из кремлевской администрации) по «фельдъегерской спецсвязи» (то есть в личной беседе с глазу на глаз) пришло пожелание подготовить площадку для предстоящих в будущем году президентских выборов. По их, милицейской, части требовалось одно – наладить негласный двусторонний контакт с авторитетными людьми по всей России, чтобы те внимательно следили за развитием ситуации в регионах. Они должны были создать самую благоприятную социальную обстановку и в крупных городах, и на зонах: взять под плотный колпак уголовную мелкоту, отморожков-одиночек, уличную шпану, не контролируемую региональными авторитетами, потому что от этой шпаны и исходит всегда главная опасность.

Накануне выборов в стране должен быть образцовый порядок – как в воинской части накануне приезда туда министерской инспекции. «И траву покрасить изумрудной зеленью?» – усмехнулся тогда Урусов, выслушав рассказ Шандыбина. «И траву позеленить, и небо поголубить, и всем вы-

дать по метле, чтобы тротуары вычистили!» – без тени улыбки отрезал тот.

Он не стал вдаваться в политические подробности этого довольно 'странного' приказа, но, будучи сметливым, понял, что в Кремле или около Кремля готовится какое-то важное решение и для его реализации необходимо создать соответствующий общественный контекст. Что ж, задачи поставлены, цели ясны, за работу, товарищи!

И Урусов с обычным рвением принялся выполнять поручение. Такая работа ему нравилась – нравилась настолько, что он даже не всегда перепоручал налаживание «негласных контактов» своим подчиненным, а частенько предпочитал делать работу самостоятельно – от начала до конца. Тем более что он уже третий год успешно налаживал деятельность по внедрению своих людей в московский криминальный мир.

Евгений Николаевич давно наметил себе удобное местечко для тайных встреч со знакомыми «авторитетами» – ресторан «Волга» в здании Речного вокзала на Ленинградском шоссе. Место было тихое, незаметное, нешумное. Когда-то, говорят, лет тридцать назад, тут было многолюдно – чуть ли не единственный был в Москве кабак, где подавали свежую, только что выловленную рыбу – сома, щуку...

Приезжая с Северного Кавказа в Москву в краткие служебные командировки, майор Урусов любил водить в этот ресторанчик случайных знакомых – голодных ментовских

жен, скучающих в расположенной поблизости эмвэдэшной общаге. Некоторые из них были совсем даже не прочь провести вечерок с темпераментным и обходительным гостем столицы. Репертуар таких выходов был однообразен: Урусов потчевал спутницу жареным судаком в сметане, поил полусладким шампанским, а потом любезно приглашал в комнату отдыха на втором этаже ресторана, заранее подготовленную для него прикормленным официантом Ленчиком. Перебравшись пять лет назад в Москву Урусов быстро нарыл на этого официанта вагон и маленькую тележку «оперативки» и пару раз изумил своего старинного ресторанного приятеля информацией о его тайных запрещенных экономических махинациях на кухне. Пухлая папка с красной ленточкой наискосок завоевала полную раболепную преданность Ленчика, вернее, Леонида Абрамовича Столбуна, который за эти годы успел вырасти до заведующего производством. Ленчик всегда держал специально для Урусова уютный столик на четверых в дальнем углу ресторанного зала – там за перегородкой Евгений Николаевич и проводил свои самые важные беседы...

Сегодня в «Волге» должна была состояться очередная встреча генерала Урусова с серьезными авторитетными людьми – теми, с кем он давно нашел взаимопонимание и договорился о взаимовыгодном сотрудничестве. Евгению Николаевичу предстоял непростой разговор по душам. Он приехал на Речной вокзал, как всегда в таких случаях, не, на

служебной «ауди» с синей мигалкой, а в неприметной казенной «Ладе» с подмосковными номерами. Как обычно поставив «Ладу» на стоянке, урусов неторопливо направился ко входу в ресторан. Выглядел он очень даже понтово: черная кожаная куртка-косуха на крупной стальной молнии, черные джинсы «Райфл» в обтяжку, сверкающие черные ботинки на каблуках, на носу черные зеркальные очки. Невысокий, коренастый, с пышной шевелюрой черных с проседью волос, Урусов специально выбрал себе такой, говоря по-молодежному, прикид: в подобных значных местах немолодой фраер в кожаной куртке хоть и сразу бросался в глаза окружающим, но никто бы ни за что не признал в нем генерала внутренних дел, который хладнокровным акульным взглядом выискивает в тухлой ресторанной тусовке свою очередную жертву, чтобы, подкараулив ее и дождавшись, пока жертва расслабится, вонзить в нее острые клыки профессионала.

Урусов заранее предупредил Столбуна о своем сегодняшнем вечернем визите и попросил, как всегда, накрыть стол в кабинете. Встреча предстояла очень серьезная. Едва он подошел к стеклянной двери ресторана, как дверь сама собой распахнулась, точно под действием невидимой пружины. Евгений Николаевич знал отлично, что это дело рук поджидавшего швейцара, угодливо глядящего в щелочку между портьерами и сразу фиксирующего приближение особого гостя.

Едва он вошел в зал, как со стороны кухни к нему метнулась знакомая долговязая фигура в смокинге. На лице у

Столбуна играла его вечная любезная улыбочка. Урусов, не снимая темных очков, едва заметно мотнул головой: мол, пошел прочь, сейчас не время! – и уверенно двинулся через весь зал к кабинету за перегородкой, зашторенному тяжелой двойной портьерой, из-за которой можно было наблюдать за всем, что происходит в зале.

* * *

Стол был накрыт на троих. Скромно, но со вкусом. Салат из огурчиков-помидорчиков, копченый угорь в нарезку, черная икра в хрустальной вазочке на блюде с ледовыми кубиками, бананы, виноград, очищенные от волосатой кожицы киви. Посреди стола возвышалась заиндевевшая бутылка шведской водки «Абсолют». Он снял очки и не спеша обвел довольным взглядом яства. Молодец Ленчик: ни ветчины, ни буженины. Накрепко запомнил мерзавец, что генерал Урусов – вегетарианец!

Евгений Николаевич сел и налил себе стопку «Абсолюта» но не выпил. Он просто не любил слишком переохлажденную водку.

Через пять минут – ровно в назначенное время – и зале за портьерой слышались уверенные шаги, потом шуршание и сопение Ленчика. Столбун нарочито гоомко, чтобы услышал важный гость, произнес: «Вас уже ждут, Закир Юсупович!»

Урусов развернулся вполоборота. У стола стоял Закир Большой.

Несмотря на то что они были земляками, у них изначально сложились непростые отношения. Во-первых, Закир был представителем древнего дагестанского рода, а Урусов, хоть и родился в Ингушетии, а потом долгое время жил в Махачкале, был наполовину чеченцем, к тому же со временем обрусевшим. Но стена неприятия выросла между обоими горцами вовсе не поэтому – дело в том, что Закир был правильный законный вор, а Урусов – московский милицейский начальник, генерал МВД. Они стали знакомы не так давно, совсем немного – года два. Урусов нарыл на Закира серьезный компромат, причем дело касалось, конечно, не криминальных дел законного вора, а его темных делишек, проворачиваемых дагестанцем за спинами российских воровских авторитетов. Закир, к примеру, контролировал в Дагестане практически всю нелегальную торговлю черной икрой и осетровыми, без его указа не функционировал целый ряд нефтепроводов, о существовании которых знали даже далеко не все чиновники российского Министерства топлива и энергетики. Но самое главное – Закир Большой умудрился поднять под себя наркодельцов, действовавших на дагестанских нарко-маршрутах.

Эти пути, ведущие из Афганистана, последнее время активизировались, особенно после строительства на берегу Каспийского моря, вблизи калмыцкой границы, нескольких

мини-заводиков по переработке афганского опия в героин. Эти заводики постепенно стали личной собственностью Большого Закира о чем не знал почти никто. Даже самые уважаемые воровские авторитеты, к коим принадлежал Закир, ничего не знали об этом. А генерал Урусов знал. Ему стало об этом известно совершенно случайно, во время очередной облавы на таджиков, снабжавших героином Москву. Установив, что героин не афганского производства, генерал Урусов сильно заинтересовался и стал рыть дальше. Постепенно его ребята вышли на дагестанских «химиков», а там уж ниточка потянулась дальше и привела прямехонько к Закиру Большому.

Урусов не стал об этом факте писать в официальном рапорте, но нашел способ через верных посредников сообщить Закиру о своем удивительном открытии.

Вот так дагестанец и попал на его крючок. Ведь самым страшным ударом для законного вора – это Урусов понял четко – стало не то, что милицейский генерал вычислил истинного хозяина подпольных героиновых заводов, а то, что этот хозяин держал свои левые предприятия втайне даже от своих корешей, забывая отстегивать в общак положенные суммы. Это было по воровским меркам тяжкое преступление, и виновного могли ожидать очень серьезные последствия, но что особенно было страшным для вора – то, что он мог навсегда потерять свой авторитет: клеймо бесчестья уже не отмоешь ничем, даже кровью. И вот этого бесчестья

более всего боялся дагестанский законник.

Понимая это, генерал Урусов крепко, точно клешнями, впился в Закира Большого и теперь держал его на коротком поводке: разлучить их могла только смерть.

– Садись, Закир Юсупович, – с многозначительной усмешечкой бросил Евгений Николаевич. – Угощайся, почувствуй себя как дома.

Он всегда разговаривал с Закиром с глазу на глаз в таком полуулыбчивом тоне. Знал, что Закира, привыкшего к весьма почтительному обращению, подобная интонация страшно бесит, и что гордый сын Дагестана, будь другая ситуация, готов порвать его на куски или вонзить острый кубачинский кинжал в горло ненавистному ментовскому чинуше. Но ситуация была совсем не в пользу Закира.

Причем от осознания собственного бессилия тот ярился еще больше. Вот именно это и доставляло генералу Урусову невероятное душевное удовольствие – «эмоциональный оргазм», как он любил шутить.

Закир скрипя зубами сел и молча уставился на Урусова. Глаза в глаза.

– Зачем позвал, генерал? – тихо, в растяжку спросил он. – Без меня не можешь справиться с какими проблемами? Может, опять тебя подвела твоя ментовская хватка?

Усмешечка сползла с лица Урусова. Хотя он давно уже считал себя москвичом, горячая кровь горских предков нет-нет да и давала о себе знать: настроение у Евгения Николае-

вича менялось за секунду. Вот и теперь он внезапно рассвирепел и, подавшись вперед, злобно прошипел:

– Ты газеты читаешь, джигит? Телевизор смотришь или, кроме денег, водки и баб, тебя больше ничего не интересует? Ты слыхал, что вчера вечером в Шереметьево прихлопнули депутата Шелехова?

Закир неопределенно кивнул.

– Что-то слыхал. Но при чем тут бабы и водка? А главное – при чем тут я?

– Как это «при чем»? Мы разве не договаривались – еще летом? В Москве до июля двухтысячного года все должно быть тихо-мирно. Никаких наездов, никакой стрельбы, никаких разборок. Москва не Питер – это в Питере пускай они все друг дружку перестреляют, мне на это насрать! Там пусть губернатор ответ несет перед Кремлем. У них свои счета. А здесь, в столице, совсем другая обстановка. Тут все живут как в большой семье и если какие-то конфликты случаются, то все решается полюбовно в своем кругу. Знаешь русскую поговорку про сор, который нельзя из избы выносить?

– Вашу русскую поговорку знаю! – не удержался от иронической ухмылки Закир Большой, намекая на происхождение генерала. – Да только я к вашим московским семейным делам имею мало отношения... Для меня что «сор», что «мусор» – почти одно и то же.

В черных глазах Урусова вспыхнули желтые тигриные искры. Этот законный смеет над ним насмехаться! Намекает,

сволочь, что, мол, он – дагестанец правильный, а генерал Урусов бросил Кавказ, перебрался в Москву и прислуживает «мусоркам»? «Ну ладно, подумал Евгений Николаевич, – это я тебе припомню, махачкалинский шакал!» И, подавив гнев, спокойно продолжал:

– ...Ты хоть и кавказский вор, но я тебя не про Кавказ спрашиваю – если надо будет, спрошу у Шоты-грузина. Он-то поди побольше твоего в авторитетах ходит! Но здесь, в Москве, ты не последний человек. И знаешь, что в столице решаются самые важные вопросы. Всем нам не поздоровится, если что-то не так пойдет. Убили не какого-то сибирского братана с бабками, а депутата Госдумы. И не просто депутата – ладно бы он из хлева либеральных демократов был, ладно бы за ним шлейф из «уголовки» тянулся, – так нет же, убит известный государственный деятель. Убит будущий кандидат в президенты. А кандидатов в президенты, Закирыч, так, за здорово живешь на шоссе не убивают. Ясно же, что за этим кто-то стоит... А ты вот молчишь, делаешь вид, что не знаешь! Какой же ты после этого московский авторитет? Посуди сам!

И генерал ввинтил жесткий взгляд прямо в глаза Закира Большого. Он понимал, что Закир скорее всего никакого отношения к этому убийству не имеет и иметь не может, но именно Закир, с его мощными связями в российском криминальном мире, способен что-то разузнать и выйти на след убийц. Урусов знал: дело даже не в поимке группы стрел-

ков – а судя по тому, что на месте преступления нашли два ствола и стреляные гильзы от трех стволов, покушение было организовано широко, с размахом, и в нем участвовало как минимум трое...

Такие серьезные убийства не делаются без ведома очень больших людей. Главное сейчас в том, чтобы понять, кто и с какой именно целью «заказал» Шелехова.

– Я очень хотел бы надеяться, Закирчик, – продолжал Урусов, не дожидаясь ответа, – что наш давний уговор – то, о чем мы договорились летом, – остается в силе. Ты мне можешь, а я, если судьбе будет угодно, помогу тебе...

Урусов имел в виду состоявшийся у них в июле разговор, в котором он потребовал, чтобы Закир через крупных воровских авторитетов собирал всю информацию о всяческих назревающих конфликтах или возможно готовящихся разборках в Москве. Особенно его волновал период до лета 2000 года, то есть до выборов нового президента. Закиру Большому не нужно было объяснять, что от итогов этих выборов зависит будущая расстановка сил как в эмвэдэшном, так и в криминальном мире России. Генерал лишь дополнительно намекнул, что эта деликатная просьба исходит из самых высоких кабинетов... Но, конечно, генерал Урусов тогда слукавил: никто из вышестоящего начальства не давал именно ему каких-то особых поручений на «спецразработку» криминальных авторитетов. Там, наверху, скорее всего, было не до Урусова. И генерал вынужден был пуститься в это риско-

ванное предприятие по своему разумению, в надежде убить сразу двух зайцев: действительно добиться надежного затишья в Москве на предвыборный период, а заодно самому поглубже запустить руку в дела «законных». Это ведь как рыбная ловля в осетровый нерест: сунешь руку в бурливый поток, пошевелишь там пальцами наобум – да и прихватишь толстую севрюжину с распухшим от икры брюхом.

Он когда– то, еще будучи махачкалинским школьником, на каникулах летом так и ловил осетров, а потом толкал икорку скупщикам... Москва – далеко не Махачкала, тут и «осетры» водятся пожирнее, и «улов» можно надывать побогаче. Надо только знать места для рыбалки... И время зря не терять... Под лежащий камень вода не течет.

Тогда, во время летней встречи, дагестанский вор проникся настоятельными просьбами генерала и пообещал содействие. Да и как же иначе он мог поступить, если Евгений Николаевич в разгар застолья приоткрыл «заветную» папочку с собранным на Закира материалом и показал ему всего лишь три оперативных рапорта, но и этих трех было достаточно, чтобы Закира Большого бросило сначала в жар, а потом в холодный пот. Подпольные героиновые заводы на Каспийском берегу могли бы выйти Закиру Большому боком. «А что, Закирчик, если эта информация станет достоянием большого воровского общества?» – ехидно спросил тогда генерал Урусов, заедая огурчиком очередную рюмочку водки... С тех пор Закир и стал таким сговорчивым.

Вчерашнее убийство Шелехова напугало Урусова не на шутку Конечно, формально он не нес никакой ответственности за это происшествие, и его главк не будет принимать участия в расследовании. Однако, если бы вдруг оказалось, что в убийстве замешаны кавказские мафиозные кланы, с него бы спрос был по полной программе. С другой стороны, его и самого разьедало любопытство: он сам хотел понять, что же произошло. Вот и решил провести самостоятельное расследование – с помощью московских криминальных кругов. Если, паче чаяния, ему удастся раскрыть это убийство раньше официального следствия – о, это будет сильным ударом по руководству Следственного комитета и, возможно, откроет Евгению Николаевичу путь на самый верх министерской иерархии... И сама мысль об этом доставляла Урусову тот самый, как он любил выражаться, «эмоциональный оргазм»!

– Ну, в общем, ты меня понял, Закирчик. Я должен знать, кто «заказал»

Шелехова. Позвони мне... по тому телефону, ты знаешь... – небрежно мотнул рукой Урусов.

Закир к еде не притронулся. Он молча поднялся и, едва кивнув на прощанье, ушел. Гордый, шакал! Горным орлом себя мнит. Ну ничего, мы тебе крылья-то подрежем, погоди, придет время! Не таким обрезали: те тоже сначала ерепенились, а потом кровью харкали и на коленях ползали. Урусов почувствовал, как внутри закипает ненависть. Все-таки зов предков ничем не заглушишь.

Кавказский темперамент – тут уж ничего не поделаешь...

Евгений Николаевич ощутил, как застучало в висках, как вспыхнули щеки, дыхание участилось. Рассердил его дагестанский уголовник. Крепко рассердил.

Генерала всегда бесило то, как неприступно гордо держится с ним этот ублюдок.

Подумаешь, законный вор. В гробу мы таких видали. Видите ли, он не признает власти над собой – не хочет признать! Ну ничего, обломаем – не таких обламывал Евгений Урусов.

Он схватил вилку со стола и с силой сжал ее в пальцах – мельхиоровая вилка послушно согнулась, как оловянная. Урусов отбросил ее в сторону. Ну вот, завелся. Опять. После чеченской войны с ним это стало часто случаться. Надо держать себя в руках. И все же не прав этот махачкалинский шакал, если думает, что Урусову чужд норы его горских предков! Он выглянул из-за портьеры в зал и сразу заметил тех, кого искал взглядом.

Евгений Николаевич всегда приходил на встречи со своими «связниками» под прикрытием двух ребят из службы внутренней безопасности главка – Никиты Левкина и Артема Свиблова, двухметровых качков, которые одним своим видом могли насмерть перепугать прохожих на оживленной улице в ясный день. Иногда к ним присоединялся Виктор Кузяков, в прошлом мастер спорта по греко-римской борьбе.

Ребята никогда не толклись около своего начальника. Вот

и сегодня они вдвоем подвалили к Речному вокзалу в сверкающем джипе с прибабасами и вошли в ресторан следом за генералом, делая вид, будто ни сном ни духом не ведают, что это за великовозрастный лох в черной косухе. Они расположились на почтительном расстоянии от шефа, готовые в любой критический момент совершить бросок и заключить в свои стальные объятия всякого, кто осмелится покуситься на безопасность их шефа... Сейчас оба сидели в центре зала напротив друг друга и внимательно изучали посетителей, ленивым взглядом облизывая их жующие лица.

Но не они сейчас интересовали Евгения Николаевича. Он жадно скользнул взглядом по лицам посетителей. Прямо перед его укромным убежищем стоял роскошно накрытый стол на шестерых, за которым сидели две девицы и четыре парня. За столом то и дело раздавался залиvistый хохот. Пацаны смешили телок. Урусов зафиксировал одну из них. Смазливая моська. Черная пышная копна коротко стриженных волос, тоненькая майчушка. Джинсики, крепко обтягивающие тугую попку. На майке Урусов разглядел надпись: «Fuck off Guys» и усмехнулся. Что такое по-английски FUCK, он знал – и очень любил это дело. Буквы С и G торчали вызывающими холмами. Урусов облизал мгновенно пересохшие губы. Эх, эту чернявую козочку раскорячить бы раком прямо здесь, на этом мраморном полу, и впендюрить ей по самое не могу... Он ощутил мелкую нервную дрожь во всем теле – в бедрах, в коленях. Так бывало с ним всегда... Всегда, когда

его внезапно охватывала волна похоти, когда его властно затягивал водоворот неумного, непреодолимого желания доставить себе мучительное наслаждение: схватить сильными руками податливое женское тело, измучить, искушать его... Вот и сейчас совсем рядом с ним – только руку протяни! – сидела смазливая молоденькая поблядушка в тонкой майке на голое тело и бесстыдной возбуждающей надписью на груди... Ох, как же ему не терпелось... Но сейчас не время.

И чтобы загасить внезапно возникшее вожделение, Урусов взял в чуть дрожащие пальцы стопку водки и одним махом проглотил обжигающую жидкость.

Хороша! Не закусывая, он налил и выпил вторую стопку, почувствовав, как кровь побежала по жилам и как он стал успокаиваться. Теперь он с удовольствием поддел вилок лоснящийся жирком ломтик угря и отправил в рот.

– Вот так, бляха-муха! – выругался генерал и в ожидании второй встречи стал вспоминать о своем позавчерашнем упоительном приключении в молодежном клубе «Барабан» на Тверской. Та телка тоже была такая же тоненькая и сиськастая, с такой же черной копной волос...

За портьерой раздался шум, и нарочито громкий голос Столбуна опять известил сидящего за перегородкой генерала о новом госте: «Проходите, Владимир Сергеевич! Вас уже давно ждут!» Урусов усмехнулся: молодец Столбун. «Вас уже давно ждут» – этим директор ресторана прозрачно намекнул очередному прибывшему, что тот непозволительно

опаздывает...

Глава 8

В бильярдной, расположенной в подвальном этаже огромной трехэтажной дачи за высоким живым забором буйных лип, как всегда, витал пьянящий аромат дорогих голландских сигар. Хозяин дачи Алик Сапрыкин был большим ценителем этих длинных темно-коричневых «палочек здоровья», как он в шутку их называл. К сигарам его приучил отец, Иван Пахомович Сапрыкин. Приучил Алика он ко многому, в том числе и к «маленьким телесным радостям» (его выражение!). Сегодня, вопреки обыкновению, Александр Иванович распорядился, чтобы шестидесятилетняя кухарка Аня задержалась и приготовила к вечеру «что-нибудь легкое». Аня лет сорок проработала в блоке питания соседнего дачного поселка, где еще с эпохи развитого социализма стояли совминовские дачи. По совместительству она стряпала старому Сапрыкину, а после его смерти три раза в неделю приходила готовить его сыну. Алик старался не допускать ее к своим гостям – не потому, что стеснялся этой простоватой, хотя и доброй шестидесятилетней тетки, но просто потому, что знал: Аня, равно как и вся обслуга этого подмосковного дачного архипелага, – кадровый работник спецслужб, потомственные «уши и глаза» всемогущего «комитета», которые после распада Советского Союза и самого КГБ перешли под крыло бывших гэбэшников, возглавлявших те-

перь частные «охранные фирмы». Эти «охранные фирмы» в основном специализировались на «ловле широким бреднем» компромата на всех и вся – на всякий случай. Потому что в новой России ничто не доставалось так дешево и не ценилось так дорого, как любая приватная информация – будь то телефонный разговор кремлевского аппаратчика с тещей или видеосъемка президента крупного банка, ковыряющего у себя в заднице перед зеркалом.

Словом, ушлый Алик Сапрыкин никогда не позволял кухарке Ане присутствовать в доме во время таких важных встреч, какая должна была состояться сегодня вечером.

На большой разговор к себе в подмосковную Жуковку он пригласил, помимо своих самых близких и верных соратников Петюни и Витюши – то бишь Петра Петровича Буркова и Виктора Ивановича Самохина, – трех отставных генералов ФСБ, которые, хотя давно были на пенсии, вовсе не отошли от дел и, не занимая никаких громких должностей на гражданке, поддерживали связи с бывшими коллегами по службе и вообще были в курсе всех событий, о которых, как правило, не сообщала свободная российская пресса. Они доподлинно знали, кто, с кем, почем и зачем торгует металлом и нефтью, боевыми вертолетами и черной икрой, пшеницей и наркотиками. Эти хитрющие отставные генералы знали по именам-отчествам едва ли не всех министров и замминистров за последние десять-пятнадцать лет и, будучи со многими влиятельными людьми в доверительных отношениях,

выуживали по крупицам ценнейшую информацию, которую аккуратно складировали не только в необъятной картотеке своей памяти, но и в своих библиотеках, чтобы когда-нибудь в нужный момент легко выудить ту или иную «фишку» с интересующими сведениями.

Иногда могло показаться, что им в этой жизни уже ничего не нужно, что за долгие годы беззаветной службы советской власти они получили все мыслимые и даже немыслимые привилегии, льготы и авансы. Но это было далеко не так.

Действительно, в отличие от «новых русских», их не прельщали ни испанские виллы ни личные самолеты, ни миллионные счета в оффшорных банках. Но им в последние годы недоставало сознания своей значимости. Они затаили жестокую и горькую обиду на новую власть, которая просто выбросила их из государственной машины как ненужный хлам. О них забыли, их советы оказались почти никому не нужны, их богатый опыт – не востребован. Поэтому они злорадствовали всякий раз, когда с позором снимали с должности очередного министра внутренних дел, или публично уличали во взятках министра юстиции, или отправляли в СИЗО генерального прокурора.

Александр Иванович Сапрыкин, один из немногих представителей молодого поколения бойцов невидимого политического фронта, это очень хорошо понимал.

Поэтому он и выработал такую уважительно-почтительную линию поведения в отношении этих пожилых генера-

лов: стариками называть их как-то язык не поворачивался. Его бы воля – он готов был восстановить памятник Дзержинскому на Лубянской площади, вернуть гранитного Иосифа Виссарионыча на Эльбрус. Ему не жалко – лишь бы завоевать беззаветное доверие этих могучих людей в поношенных генеральских кителях, в которых они неизменно приезжали к нему в Жуковку-5 на вечерние посиделки.

В хитроумной стратегии затеянной им серьезнейшей политической игры старикам-гэбэшникам отводилась важная роль его политических советников. И если все пойдет именно по начертанному им плану и результат окажется именно таким, как он его рассчитал, они займут в будущей конфигурации власти почетные должности – каких-нибудь специальных представителей будущего нового президента... А вот кто будет президентом? Вот это пока что был самый интересный, покрытый сплошным туманом вопрос.

Алик в последний раз перед приходом гостей придиричиво осмотрел накрытый стол. Икра в круглых хрустальных вазочках, севрюжка в нарезку, свиной окорок кусочком, крутобокие помидорчики, крабовый салат. Запотевшая бутылка «Московской» водки, стайка темных бутылок «Боржоми», простые водочные рюмки и высокие фужеры для минералки... Сервировка напоминала картинку из старой книжки «О вкусной и здоровой пище». «Пусть, – подумал Алик, – поностальгируют, авось размягчение души приведет к некоторому размягчению мозгов. А там...»

Сегодня ему надо было провентилировать важный вопрос, который интересовал не только его, но, наверное, десятки, если не сотни и тысячи людей, незримыми нитями связанных с Кремлем, чье жизненное благополучие – или крах – прямо зависело от выборов нового российского президента, назначенных, как известно, на июль будущего года.

...После третьей рюмки атмосфера за столом явно разрядилась. Так бывало всегда. В первые сорок минут генерал-полковник КГБ в отставке Михаил Фаддеевич Юдин – в застолье просто Фаддеич – держался нарочито натянуто и строго. По его примеру его бывшие подчиненные генералы Андрей Парамонович Толстунов и Анатолий Игнатьевич Черемин тоже напускали на себя загадочную непроницаемость. Но от угощения не отказывались. Все трое были кадровыми гэбэшниками и в годы активной службы занимали гражданские должности: Фаддеич возглавлял выездной отдел ЦК КПСС, и через его руки проходили все граждане, легально выезжавшие за кордон.

Другими словами, он имел полную информацию как официального, так и, главное, неофициального свойства практически о всех крупных, средних и мало-мальски значимых «выездных» советских – а ныне российских – гражданах. Толстунов лет пятнадцать возглавлял «первый отдел» в МВД и, разумеется, обладал столь же полной информацией обо всех кадровых милицейских работниках. Черемин курировал отдел кадров Министерства иностранных дел – под

его «колпаком» оказались все дипломатические работники, включая послов и замминистров, не говоря уж о пяти министрах, которых он пережил.

– Ну, Михал Фаддеич, прикажите еще по одной! – весело предложил Алик, подмигнув сидящим за столом. – А потом можно будет и шары покатать!

Еще когда был жив отец, он рассказал Алику, что Юдин большой поклонник русской пирамиды, поэтому он и накрывал стол не в столовой, а тут, в темноватой бильярдной: после обильной и вкусной трапезы Фаддеич обожал сыграть партию-другую. Потом он впадал в такое благодушное настроение, что из него можно было веревки вить...

Холодная струйка «Московской» наполнила рюмку Фаддеича. Тот, держа ее в воздухе, вдруг брякнул:

– Ну, что у вас в Кремле-то еще не шушукаются насчет грядущих событий?

Алик поставил бутылку на стол и удивленно воззрился на Фаддеича:

– Вы что имеете в виду, товарищ генерал-полковник?

Он с удовлетворением отметил, как просияло морщинистое лицо старика: тот обожал, когда к нему так обращались.

– А то имею в виду, уважаемый Александр Иванович, что плох стал наш президент. Совсем ни к черту...

– Но он ведь последние три-четыре года уже совсем ни к черту – и ничего, сидит на троне, – возразил Алик, предчувствуя, что разговор выходит на нужную ему траекторию.

Старый генерал поднял палец вверх.

– Он-то сидит и просидел бы еще лет десять, если бы печень позволила. Но вот околоремлевским людям он совсем неумоготу стал. И они вынашивают планы, как его удалить...

– Вы хотите сказать, что «Дед» уйдет? – всплеснул руками Бурков. – Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

Фаддеич снисходительно усмехнулся:

– Молодо-зелено! Когда Никита Сергеевич уезжал в Пичунду, его тоже предупреждали, а он только отмахнулся. И когда Горбачев в Форос уезжал – думаешь, умные люди ему не шепнули на ухо? Как раз у нас в России все возможно.

Не уйдет добром, так уедет ногами вперед. Историю отечества не нужно забывать, братец. Как ушел император Павел Первый, помятуешь, может? Или как Иосиф Виссарионыч, царствие ему небесное! – Фаддеич скроил такую горестную мину, что Алику показалось: ну, сейчас слезу пустит, старый лис!

И, желая продолжить эту интересную тему, Алик лукаво подзадорил старого гэбэшника:

– Уж не помогут ли ему уйти на покой, а, Михал Фаддеич?

– Об этом и толкую, голова садовая! – Фаддеич опрокинул рюмку в глотку, подождал, пока обжигающе-холодная жидкость прольется по назначенному маршруту, закусил ломтиком свежего огурчика и исподлобья глянул на Сапрыкина:

– Так вот я и спрашиваю, юноша, не шушукаются там еще

по вашим коридорам?

Алик покачал головой и ответил вполне искренне:

– Нет. Все идет своим чередом. Работают. Хотя и начинают подумывать о подготовке к выборам. Я имею в виду спецподготовку... Ну там, подбор подходящего кандидата, источники финансирования избирательной кампании...

– Это ты о своих подопечных говоришь? – оборвал его Фадцеич, бросив многозначительный взгляд на Витюшу и Петю. Отставной генерал был прекрасно осведомлен о том, что Александр Иванович Сапрыкин уже несколько лет ведет наблюдение за крупнейшими криминальными авторитетами России и, играя на внутренних противоречиях между различными группировками, пытается использовать некоторых влиятельных воров в законе для своих политических гешефтов. И кажется, у него это неплохо получается. Генерал вздохнул и, философски глядя на Алика, изрек:

– Ребята, смотрите не заиграйтесь с ними! Нынешние ведь не те, какие были раньше старые волки в законе, – это так, шантрапа. Эти едва почуяли запах денег – и одурели. Жизнь по понятиям для них пустой звук. Нынешние законные – это не чета Медведю, или Ангелу, или Мулле – да вы этих имен, наверное, уже и не помните! Это были серьезные люди! А нынешние законные за десять сребреников продадут друг друга с потрохами. Тебя, Алик, кстати, не удивляет, что одному президентскому кандидату позавчера дали «без права переписки»?

Алика просто передернуло от этих слов. Он давно общался с Фаддеичем, но все никак не мог привыкнуть к его гэбэшному черному юмору – таким вот замогильным шуточкам: «без права переписки» на старинном, еще энкавэдэшном жаргоне означало «пустить в расход», или по-простому – «расстрелять».

Фаддеич, разумеется, имел в виду убийство Шелехова, и это весьма интересовало Сапрыкина.

– То, что Шелехова убрали, – осторожно начал он, – нам как раз только на руку. С уходом Шелехова поле расчистилось. Теперь мы можем вывести на него своего игрока, Михаил Фаддеевич. И очень рассчитываем на вашу помощь, – торопливо добавил он.

Генерал перевел взгляд на своих товарищей, все это время молча слушавших застольную беседу.

– Ребята не дадут соврать, Алик, ситуация не так проста, как вам кажется. Шелехова убили воры. Но навели их на Шелехова наши. А Шелехов – человек непростой. За ним стоял смотрящий России. Шелехов – человек Варяга.

Варяг его финансировал из общаковских денег. И вот представь себе картину: теперь некого финансировать. Ну, хоть ясно, куда ветер дует и чем все это пахнет?

Алик молча кивнул. Старик продолжал:

– Варяг явно собирался поставить на Шелехова на будущих президентских выборах. Воры убрали Шелехова. Не думаю, что это их собственная затея. Кто-то их надомил пой-

ти наперекор Варягу. Зачем? Кому это нужно?

Он выжидательно поглядел на Алика, потом на его кремлевских корешей.

– На Варяга в последнее время, я знаю, вору наточили большой зуб, – не очень уверенно пробормотал Алик, размышляя над словами Фаддеича. – Вы, конечно, помните, Михаил Фаддеевич, у прежнего премьер-министра с Игнатовым наладились чуть ли не дружеские отношения. Старик к нему вдруг стал благоволить. И многим вора́м это не понравилось. К тому же у них финансовые проблемы возникли...

Внимательно слушая Сапрыкина, Фаддеич не забывал о закуске. Кивнув головой, он поддел вилкой кусок осетрины и отправил его в рот.

– Нет, это все чушь. Сдается мне. Варяга решили нейтрализовать по всем направлениям. Он многим стал неудобен. И вора́м, и властям, и политикам.

Особенно сейчас, когда готовится «финт ушами»... – Он крякнул, видя, как снова вытянулись лица у его молодых собеседников. – Да, братцы, все пойдет не так, как многим кажется. Все будет со-овсем не так. Чует мое сердце, готовятся большие перемены в стране. Будет полная смена власти. Причем очень радикальная.

Я не случайно спросил тебя, Алик, про кремлевские слухи. Но если ваш телеграф молчит – а может, ты мне просто говорить не хочешь... – Он поднял руку, пресекая решительные возражения Алика, который пытался сказать: мол,

Ми-хал Фаддеич, да разве я от вас что-то могу скрывать! – Словом, это кремлевское молчание выглядит весьма странно. Значит, никто не может поверить, не хочет даже представить себе, что будет.

Фаддеич сделал паузу и, как бы не обращая внимания на мучительное ожидание собеседников, не спеша налил себе рюмочку «Московской», выпил, крякнув от удовольствия, и как ни в чем не бывало сообщил:

– А дело идет к тому, что... «Дед» не уйдет, говоришь? Уйдет, никуда не денется! И уйдет очень быстро, скоропостижно – к этому все и идет. Скинут «Деда»!

– Кто? Как? – взволнованно воскликнули Алик и его кореша. Они отказывались верить в то, что говорил сейчас отставной генерал. – Как его можно заставить, когда он держится за власть, словно бульдог, вцепившийся мертвой хваткой в горло сдыхающего медведя! Никогда он не уйдет!

Михаил Фаддеевич усмехнулся.

– Верно говоришь: сам не уйдет. – И, напирая на слова, повторил:

– Сам не уйдет никогда. Но «Дед», как известно, мужик жалостливый, сентиментальный.

Он ведь и черта лысого не боится, но за близких своих, за так называемую семью сильно переживает. Вот его и пугнут семьей-то! И очень скоро пугнут. Я думаю, уже до Нового года все и произойдет. Так что, ребятки, никаких президентских выборов в июле не будет. Все произойдет куда как

стремительнее!

Алик встал из-за стола и решительно зашагал к бильярдному столу. Взял со стойки кий, сдвинул треугольник с шарами к середине и жестом пригласил Фаддеича сыграть. Тот с готовностью согласился.

Александру Ивановичу нужна была пауза для того, чтобы переварить и осмыслить услышанное. Такого поворота событий опытный «игрок» Сапрыкин не ожидал. Круто! Очень круто кто-то замахнулся! Но, взяв себя в оуки, Алик улыбнулся и, сделав гостеприимный жест, предложил:

– Разбивайте, Михал Фаддеич!

Старый генерал, крихтя, прилег животом на борт и хлестко впечатал кончик кия в розоватый шар. Пирамида со звонким цокотом рассыпалась, но ни один шар не закатился в лузу. Генерал раздосадованно покачал головой, посмотрев на кончик кия, как будто именно там сосредоточена была причина его неудачного удара.

– Но чтобы заставить «Деда» уйти, надо же иметь наготове колоссальный... материал, – осторожно продолжил Алик разговор. – Надо иметь кого-то, кто был бы способен пугнуть его!

К бильярдному столу подтянулись остальные участники «сходки». Витюша, держа в руках рюмку водки, присел в кресло, Петя остался стоять у борта, а оба отставных генерала послушными тенями встали за спиной у Фаддеича.

– А материал есть. Вагон и маленькая, а может, и большая

тележка.

– А кого же поставить? – сделав свой удар, как бы между прочим, спросил Алик. – Здесь ведь нужен подготовленный и весьма способный человек.

– И подготовленный и способный сменщик уже есть! – твердо сказал Михаил Фаддеевич. – И вы его все знаете. Хотя он еще не примелькался на телеэкранах.

– И кто же это? – не вытерпел Витюша, нервно поглаживая себя по коленке.

Отставной генерал-полковник КГБ прицелился и исключительно точным ударом отправил свояка в правую дальнюю лузу А потом, не глядя на Алика, ответил:

– Вы в школе проходили комедию «Горе от ума»? Помните, там был один персонаж, он все время говорил: умеренность и аккуратность, умеренность и аккуратность. На этом и строил свою успешную карьеру и личную жизнь. Сумел даже главного героя – претендента на руку и сердце девушки нейтрализовать.

– Молчалин? – подсказал Алик.

– Ну да, – улыбнулся ветеран политического сыска. – Молчалин его фамилия. «Деда» пугнет наш «Молчалин». Тем более что у него имеется доступ... А там глядишь да и закатим этого своячка в кремлевскую лузу!

И с этими словами он загнал очередной шар точно в цель.

Больше в этот вечер о делах не говорили. Покатали шары, выпили еще по паре рюмок, закусили икоркой. Поздно

вечером, когда все ушли и дача опустела, Алик потушил в бильярдной верхний свет, включил торшер и сел в кресло.

То, что сегодня в застолье сказал старый гэбэшный генерал, как-то сразу прояснило для него всю ситуацию. Итак, Шелехов – основной кандидат на предстоящих президентских выборах – убит, как намекнул Фад-деич, не без ведома людей в погонах. А может быть, даже по их прямому или косвенному указанию. Это сделано для того, чтобы, во-первых, убрать слишком сильного политического соперника, а во-вторых, чтобы насолить Варягу. Одним выстрелом убили двух зайцев. Ну что ж, так-то оно к лучшему. Потому что если все это дело выгодно повернуть, то Варяга можно замарать и перед остальными ворами, и перед его покровителями в правительстве.

Алик повеселел. Да, надо отдать им Варяга на съедение! А общак тогда останется бесхозный – и вот тогда им можно будет завладеть и попользоваться в собственное удовольствие. И на некоторые нужные дела пустить.

Убийство Шелехова – хороший ход. Беспроегрышный ход. Ну что ж, приступим! Нельзя стоять на месте.

Успех надо развить! И сняв трубку со стоящего на столике под торшером телефонного аппарата, он набрал номер...

Глава 9

Владимир Бабурин, законный вор по кличке Тверезый, попал в сети к хитрому генералу Урусову пять лет назад, когда Евгений Николаевич только-только перевелся в Москву из Махачкалы. Тверезый попался по-глупому. Хотя, если разобраться, то почти все жертвы Урусова попадались на дурачка. Бабурина накрыли во время очередной операции «Вихрь-Антитеррор», когда у него на даче в Малаховке обнаружился целый склад оружия и взрывчатки. Но поскольку тот налет совершал лично Урусов со своими доверенными офицерами, переодетыми в спецназовский камуфляж, известие об обнаружении в Малаховке убойного арсенала не попало ни в один отчет. А Вовану было однозначно сделано предложение, от которого тот никак не смог отказаться – иначе пошел бы по трем статьям, а с учетом его прошлых подвигов дали бы ему «чирик» строгого режима-и хрен бы он досрочно вырвался. Словом, Владимир Бабурин согласился стать тайным осведомителем Урусова, регулярно поставляя генералу интересные сведения о делах и заботах крупных воровских авторитетов.

Но сегодня Евгений Николаевич вызвал его не для того, чтобы выслушать очередную порцию «компры» на московских законных, а на инструктаж.

Тверезый сел за стол и без приглашения принялся за еду.

Он любил похавать на халяву. Налил себе водки, щедро положил рыбки, навалил икорки с полтарелки.

– Ну, Николаич, будем! За успех! – Он поднял стопку.

Урусов поморщился.

– За успех не пьют, Вова. А то успеха не будет! Выпьем лучше за здоровье. Было бы здоровье, а успех не задержится.

– Ну лады! Давай за него! – послушно согласился Тверезый. Они не чокаясь выпили. Генерал Урусов считал ниже своего достоинства чокаяться с уголовниками.

– Ты слыхал про убийство в Шереметьево? – без предисловий начал Евгений Николаевич. Тверезый кивнул:

– Шелехова завалили. Депутата.

– Точно. Надо срочно выяснить, кто и почему завалил. Я очень надеюсь, что это не московские. Хочу надеяться, – с нажимом произнес Урусов. – Если гастролеры, попробуй выяснить, кто и откуда. И найди их. Если кто другой, тем более нужно узнать кто и найти.

Владимир отодрал от тяжелой виноградной ветки, лежащей в вазе, небольшую изумрудную гроздь и с аппетитом стал откусывать по ягоде.

– Евгений Николаевич, – заметил он, – я слыхал, Витя Тульский базарил, что, мол, Шелехов – человечек Варяга... Владислава Игнатова, – на всякий случай уточнил Тверезый.

– Игнатова? – восторженно воскликнул Урусов.

– Да, Игнатова. Он сейчас рулит в крупной конторе по экспорту оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.